

INSPIRIA

ЗАСТЕНЧИВОСТЬ В КВАДРАТЕ

САРА
ХОГЛ

INSPIRIA

Сара Хогл

Застенчивость в квадрате

Серия «Circake. Ромкомы Сары Хогл»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67841631

Застенчивость в квадрате: Эксмо; Москва; 2022

ISBN 978-5-04-171245-7

Аннотация

Мэйбелл Пэриш всегда была мечтательницей и безнадёжным романтиком. Она долгое время предпочитала жить в своем собственном мире, чем сталкиваться с разочарованиями в реальной жизни.

Поэтому, когда Мэйбелл получает в наследство от своей двоюродной бабушки Вайолет очаровательный домик в Смоки-Маунтинс, она ухватывается за возможность начать все с чистого листа. Но по приезду туда понимает, что проблемы только начинаются.

Мало того, что дом – самая настоящая рухлядь, так она еще и не единственная наследница: приходится делить все с Уэсли Келером, ворчливым красавчиком-садовником. И оказывается, что у него совсем другие планы на дом.

Убедить неразговорчивого Уэсли перестать избегать Мэйбелл и пойти на компромисс – задача более сложная, чем выполнить предсмертные желания Вайолет. Но когда Мэйбелл увидит что-то

неожиданно приятное в хмуром взгляде Уэсли, и когда эти двое начнут постепенно терять бдительность, они поймут, что иногда самые маленькие шаги за пределы своей зоны комфорта могут привести к самым большим наградам.

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	24
Глава третья	40
Глава четвертая	56
Глава пятая	78
Глава шестая	95
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Сара Хогл

Застенчивость в квадрате

Посвящаю эту книгу себе

Sarah Hogle
TWICE SHY

© Осминина А., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Глава первая

Сейчас я высоко-высоко в облаках, барабаню пальцами по прилавку. На окне снаружи, в мягких завитках вечного тумана, светится розовым неоновая вывеска, вращаясь вместе с постоянно движущейся планетой. Надпись гласит: «Кофейня Мэйбелл ВПВ». А чуть ниже, с одной периодически мигающей буковкой, подписано: «Открыто 24 часа».

На создание моей кофейни ВПВ (в параллельной вселенной) ушел не один год, и последние три месяца – пока что наш самый оживленный сезон. Я развесила гирлянды, принесла комнатные растения с большими листьями, выбрала красные виниловые диванчики и плитку на пол. Музыкальный автомат оживает сам, стоит взглянуть в ту сторону, неожиданно включая одну из моих любимых песен. «Кофейня Мэйбелл ВПВ» – самое прекрасное место, которое я только могу представить, а представляла я немало. Как по команде, туман расступается. Я всегда начеку и тут же поднимаю голову, зная, что произойдет потом – как и сотни раз до этого. История с тщательно прописанным началом и бесконечными вариациями продолжения.

Дверь распаивается, и на пороге появляется мужчина: высокий, широкоплечий, с волевым подбородком, в костюме чернее ночи. Влажные русые волосы спадают небрежными волнами, напоминая мне чуть не утонувшего падшего анге-

ла: Посейдон выбросил его из моря, а молния вернула к жизни. Если бы он был в цвете, глаза бы его сияли, как топазы, как бокал искрящейся в солнечных лучах газировки.

Но он состоит из граней и теней, черного и белого. Капли дождя стекают по окну, и от них правая часть лица мужчины кажется потемневшей, точно монохромная киноплёнка. Он оглядывает кафе и наконец видит меня: я хватаюсь за прилавок, стараясь удержаться на ногах, и глубоко вздыхаю. Этого момента я ждала всю жизнь.

– Я везде тебя искал, – произносит он. – Почему ты не отвечала на мои звонки?

Все уже происходило, и множество раз, но смотрю я на эту сцену с прежним восторгом. Сердце переполняет радость, воздуха не хватает.

– Джек! Что, если тебя кто-то увидит?

– Мне уже все равно. – Перескочив через прилавок, он сжимает меня в страстном объятии. – Я не собираюсь прятаться. Да, ты работаешь в кофейне, а я принц Эффлувии. Какая разница? Я люблю тебя. Только это имеет значение.

– Ты меня любишь?

Эта часть, объяснение в любви, нравится мне больше всего. Я перематываю ее к началу: послушать еще раз и внести парочку мелких правок для усиления драматического эффекта.

– Да, ты работаешь в кофейне, а я принц Эффлувии, – повторяет он, на этот раз с появившимся в левой руке буке-

том ярких лилий сорта «старгейзер». А в правой сверкает обручальное кольцо. Я беззвучно вторю его следующим репликам:

– Какая разница? Я люблю тебя. Только это имеет значение.

– Но... монархия... – шепчу я, уткнувшись ему в плечо. – Они против наших отношений.

– Они не смогут нас остановить. Наша любовь слишком сильна, с ней придется считаться.

– Мэйбелл! – чирикает где-то вдалеке знакомый голос. Перенастраиваю звук в фоновые помехи, и вот это уже не слова, а просто шелест листьев.

Джек опускается на одно колено. Букет лилий увеличивается в размере раза в три. В отдалении появляется струнный квартет.

– Возлюбленная моя... свет моей жизни... – Джек кашляет, пытаюсь вернуть мое внимание, но я обеспокоенно оглядываюсь, замечая отражения, которым здесь не место. Они кружатся в серебряных салфетницах, кофейнике, в сверкающей поверхности над раковиной, будто в расставленных зеркалах. Небольшая кнопка на старинном дисковом телефоне, бежевом и прямоугольном, загорается красным за полсекунды до того, как металлический звук звонка прерывает признание Джека.

– Такой, как ты, я никогда раньше не встречал, – начинает Джек, не замечая ничего вокруг; в глазах у него мерца-

ют слезы. — Умная. Прекрасная. Одаренная. Несравненная. В целом свете не сыскать второй такой Мэйбелл Пэрриш.

Согласно моему расписанию, через тринадцать секунд мы поцелуемся. Страстный поцелуй после объяснения в любви — еще одна моя любимая часть. Необходимый ингредиент в любой романтической истории, без него ничего не выйдет.

Красную кнопку уже невозможно игнорировать. Каждая вспышка света четко высвечивает мой почерк на прилепленной рядом бумажке: «Реальная жизнь вызывает».

Нетерпеливо машу Джеку, чтобы поторопился, но не успеваем мы перейти к «Согласишься ли ты выйти за меня» и неизбежному «Да, тысячу раз да!», после чего обычно серотонин поступает прямо в мозг, помогая мне продержаться следующие два часа смены, как плеча касается чья-то бесплотная рука.

Сцена с предложением замирает, как от нажатой паузы. С грустью улыбаюсь этому безупречному мужчине, его идеально-влюбленному, обожающему взгляду. Он горы готов свернуть ради меня. Пройти пешком через всю планету. Он будет защищать меня, мстить обидчикам и даже вернется с того света. Нет, в самом деле, единственный минус Джека Макбрайда в том, что он не существует.

Кофейню заливают резкий белый свет, стекла трясутся в оконных рамах. В ушах звенит, все мелькает и расплывается. Я падаю с облаков вниз, из своего счастливого мира, растворяющегося прямо на глазах, обратно в «здесь и сейчас» —

последнее место, где мне хочется находиться, а передо мной, касаясь моего плеча, стоит последний человек, которого мне хочется видеть.

Джемма Петерсон, конечно же, об этом не подозревает. В ее представлении мы лучшие подружки.

– Ау! Земля вызывает Мэйбелл! – щелкает она пальцами у меня под носом. – Кого-то стошнило на морозильник на втором этаже. Фонтан рвоты.

У меня вырывается стон. «Здесь и сейчас» – это курортный спа-комплекс «У горы» в Пиджен-Фордж, штат Теннесси, с крытым аквапарком и типично южным шармом. Он выбрал в себя всю прелесть и плюсы старинного деревянного домика, но только с сувенирными магазинами, каналом НВО и аттракционом «Ленивая река»¹.

Когда меня не уносит в воображаемые миры, я, как недавно заслуживший повышение координатор мероприятий, придумываю развлечения для гостей, а потом наблюдаю, как их зарубает второй координатор, Кристин. До этого года я работала в хозяйственной службе, поэтому от необходимости реагировать на сообщения о рвоте на льдогенераторах некуда было деться. К сожалению, уже апрель, а ко мне все еще бегают с такими вопросами. Будто повышение все пропустили.

– Это к хозяйственной службе, – напоминаю я Джемме.

– Ах да, точно! Я просто привыкла... – Она одаривает ме-

¹ Бассейн с искусственным течением.

ня широкой улыбкой и подхватывает под руку, когда я делаю пару шагов по коридору. Проверяю время на телефоне и прихожу в отчаяние: мой побег в кофейню в облаках занял всего десять минут. Я просто хочу пойти домой, сжечь все воспоминания об этом месте в крематории и рухнуть лицом в подушку часов на двенадцать.

– Не хочешь прогулять работу и поиграть на автоматах? – спрашивает Джемма. – Тот с игрушками сегодня действительно дает что-то вытащить.

– У нас будут неприятности, если Пол увидит.

Пол – Большой Босс, и если меня, скорее всего, ждет разнос за игру в скибол в мою смену (а автомат еще и жульничает), Джемма – его дочь, и может делать что хочет. Ей платят на шесть долларов в час больше, чем мне, просто за то, чтобы она постояла в лобби в кокетливом костюмчике проводницы поезда, рассказывая гостям, что «Тропический зоопарк с приключениями всего в восьми километрах по дороге, загляните на стойку администрации и получите купон!», а потом остаток дня торчала в бассейне.

Ненавидеть Джемму сложно, она забавная и жизнерадостная. Что тут может не нравиться? Когда ее уволили из нескольких мест подряд, Пол избавился от Дэнниса, нашего ветерана семидесяти четырех лет, и устроил ее сюда. Джемма прилепилась ко мне в первый же день и теперь приносит попробовать кусочки бананово-орехового хлеба из «Восхода с дымком» – там подают завтраки для гостей – и с восторгом

внимает всему, что я говорю, даже если это просто мысли вслух о списке покупок. Когда бы я ни надела новое украшение, она тут же замечает его с приятным для эго комплиментом. Но вот совесть у Джеммы прямо как Джек Макбрайд: ее попросту не существует.

Два чудесных месяца я думала, что Джек настоящий. А теперь смотрю на Джемму, прямо-таки излучающую дружелюбие, и хочу ответить тем же, но не могу.

– Я тебе рассказывала, что мы с Эриком съезжаемся? – спрашивает она, уводя меня в другую сторону. В конце коридора мы сворачиваем налево, постепенно оставляя позади крутящееся на экране в холле приветствие «Добро пожаловать в спа-комплекс “У горы”!», где медвежонок в соломенной шляпе указывает на карту с вариантами развлечений.

– У меня сейчас нет времени на игры. – Изо всех сил пытаюсь казаться милой и не представляющей угрозы, хотя на самом деле хочу быть прямолинейной и решительной. Даже раз оступиться и забыть, что у Джеммы есть влияние на Пола – уже опасно. – Нужно поговорить с Кристин.

– Кристин ужасна, – корчит рожицу Джемма. – Ты не хочешь с ней говорить.

– Не хочу, да, но у меня появились новые идеи о...

– Дорогая, – смеется она. – Я тебя люблю, но ты же знаешь, что этому не бывать. Кристин помешана на свадьбах. Я слышала, как она обсуждала твою идею с театральным ужином на Хэллоуин с папой, и в общих чертах она считает, что

такое только портит курорт, который уже не кажется таким привлекательным местом. А от свадеб мы получаем столько денег, ты же знаешь – так что они в приоритете.

– Когда она так сказала? Она обещала, что обдумает...

– Короче, – прерывает меня она, – мы с Эриком будем жить вместе со следующей недели! Представляешь? Закатим такую вечеринку на новоселье! Ты первая в списке приглашенных, так что попробуй только не приди – оправдания не принимаются. И принеси свои восхитительные плетеные пончики с корицей. Все будут в восторге!

К раздражению из-за очередной пренебрежительной оценки моей работы добавляется и новое. Мои пончики действительно восхитительные, но когда их хвалит Джемма, я всегда гадаю, где же правда, потому что врет она постоянно и безо всяких причин. Может, и о своей любви к плетеным пончикам тоже.

– Нужно найти тебе парня, Мэйбелл, – говорит она тем временем, тащит меня в сторону игры «Ударь крота» и начинает лупить колотушкой с пугающей для столь миниатюрной девушки яростью. – Тогда мы сможем ходить на парные свидания! Будет та-а-ак весело, все мои любимые люди рядом!

Пластиковым грызунам приходится несладко, а у Джеммы от силы ударов выбивается пара прядок из прически.

В Джемме столько нахальства, что порой я сомневаюсь в собственном психическом здоровье. Последние несколько месяцев мне совершенно точно не приснились, потому что

Джемма без конца просит за них прощения, поднимая эту тему как минимум раз в неделю. Ее извинения за все, что случилось, – меняющие реальность загадки, которые в итоге заканчиваются тем, что я успокаиваю и утешаю ее, а не наоборот.

«Все, что случилось» – так Джемма, Пол и другие мои коллеги описывают то, что она сделала: толстый слой патоки поверх самого сложного и тягостного испытания в моей взрослой жизни.

– Твоя очередь. – Она передает мне колотушку, поэтому проходящая мимо Кристин видит, естественно, меня, и другого виноватого ей не нужно. Просто прекрасно.

– У тебя перерыв? – рывкает она. Джемме ничего похожего, разумеется, не достается. Даже стой она тут с пилой в одной руке и человеческими кишками в другой, Кристин бы ее за это похвалила.

– Это я ее украла, на секунду, – с ангельской улыбкой отвечает Джемма. – Вините меня, не Мэйбелл.

Кристин выдерживает мой взгляд без труда:

– Если у тебя есть время на ерунду, значит, есть время на работу. Там на льдогенераторе рвота, и по всем стенам второго этажа.

И на стенах тоже? Господи.

– Но...

Она отворачивается, а я все же нахожу в себе смелость крикнуть вслед:

– Вы прочитали мое предложение об охоте за сокровищами?

– Пробовали пару лет назад, – отвечает она, не оборачиваясь. – Никто не хотел участвовать.

– Мне кажется, пиратская тематика понравится детям.

– Возвращайся! К! Работе! – трижды хлопает в ладони Кристин и уходит.

Джемма ждет, пока она не отойдет подальше, а потом толкает меня в плечо:

– Уф, я тоже ее ненавижу. Мне кажется, у нее с папой роман.

– Я ее не ненавижу, – быстро возражаю я, одновременно представляя, как сталкиваю Кристин в ту Ленивую реку в аквапарке. Джемма, скорее всего, ждет, пока я отойду подальше, чтобы сказать: «Уф, я тоже ее ненавижу» и про меня. Во всяком случае, теперь у меня есть повод сбежать.

– Что ж, придется идти убирать. – Два часа, и можно будет пойти домой.

– Пожелай мне удачи! – бросает на ходу Джемма, направляясь к автомату с джекпотом.

Быстрым шагом пересекая темно-зеленый холл, я проигрываю в голове слова Кристин, едва сдерживая искушение сорвать с рубашки значок «Координатор мероприятий». Меня мусорные мешки, заправляя кровати, отбеливая джакузи с восемнадцати лет, незадолго до тридцати я наконец-то перестала быть горничной, надеясь хоть сейчас применить

свои творческие способности по назначению. А теперь мне говорят, что мероприятия, которые я хочу проводить, слишком крупные, слишком узконаправленные или просто слишком слишком. Что бы я ни делала, в итоге я постоянно оказываюсь в какой-нибудь комнате с рулоном бумажного полотенца и чистящими средствами под мышкой, убирая за кем-то.

– Уволюсь, – ворчу я. Мой личный гимн на каждый день. – Эта должность просто на бумажке. Как глупо. Глупо!

Калеб Рамирез приветственно кивает, проходя мимо, скорее всего по дороге в «Восход с дымком», где он и работает. Видеть его – будто каждый раз получать укол крошечной булавкой, потому что он оказался невольным катализатором «всего, что случилось» – к моему большому сожалению. Ведь Калеб отличный парень. Просто так вышло, что как-то пару месяцев назад мы ели попкорн в комнате отдыха, и он упомянул, что ему нравятся мои кроссовки. Compliments я принимать не умею и обычно стараюсь чем-то ответить, чтобы стереть то приятное, что сказали мне, поэтому я похвалила его машину. Он усмехнулся: «Возьму тебя как-нибудь покататься».

Джемма, которая влюбляется с десяток раз в год, и влюбляется до одури, с ума сходила по Калебу. И как-то вечером в самую (как оказалось, обманчиво) обычную среду, два месяца спустя, когда Джемма, вцепившись мне в футболку, заливала ее соплями и слезами, не давая мне вывернуться,

я узнала, что она просто сделала то, что было необходимо. Ей было жаль. Она чувствовала себя неуверенно, потеряла голову от любви. Влюбленные просто не могут ни мыслить трезво, ни вести себя нормально.

«Пожалуйста, не ненавижь меня. Я больше не могла этого терпеть, у меня начали выпадать волосы, я перестала спать».

Джемма поймала меня на крючок фальшивым профилем в «Тиндере».

Чувства меня разрывают самые противоречивые, потому что я не пала жертвой личной мести, а просто оказалась сопутствующим ущербом, чтобы объект привязанности Джеммы оставался свободным и доступным. Теперь, когда все закончилось, удивление немного притупилось. Ведь за пару месяцев до этого слоняющийся по холлу парень спросил меня, где находится банкомат. По дороге туда мы немного поболтали – просто невинная беседа ни о чем, которая закончилась тем, что он попросил мой номер. Но я всего лишь выполняла свою работу. Была дружелюбной. Не флиртовала.

А в глазах Джеммы это выглядело именно как флирт. Как выяснилось, она тогда встречалась с ним время от времени. Он утверждал, что она его неправильно услышала, что когда он попросил мой номер, то имел в виду, «какой номер у этого месяца, ну, в календаре». Я подтвердила, что никаких своих контактов ему не давала, Джемма сказала, что верит. Но раз предложения Калеба подвезти меня на машине оказалось достаточно, чтобы она нашла в интернете картинки

какого-то горячего парня и заманила меня в отношения на расстоянии, может, проблемы с доверием у нее все же есть.

В защиту Джеммы (в буквальном смысле, она использовала это как оправдание), она очень старалась быть заботливым парнем. Джек всегда «просто знал», когда у меня плохой день, и заказывал доставку еды из моего любимого кафе. Он играл на укулеле, что я считала очень милым, и был просто убийственно великолепен. Настоящий гигант, который, наверное, мог пальцами перетирать камушки в пыль, но с очень мягким выражением лица и очаровательной улыбкой. Из всех фотографий, что отправлял мне «Джек», больше всего мне нравился черно-белый снимок, где он стоит в смокинге, так что даже сейчас, представляя своего вымышленного бывшего парня, порой я так и вижу его в черно-белых красках, будто ему самое место в другой эпохе.

Чем дольше длились наши отношения, тем больше я хотела от Джека и тем сложнее Джемме было поддерживать обман и изобретать новые уловки. Я хотела личной встречи. Больше селфи. Конкретных планов. Спустя какое-то время уже не имело значения, насколько он прекрасен и как сильно у него развита интуиция (преимущество Джеммы, то, как хорошо она меня знала, оказалось чудовищным и одновременно восхитительно обоюдоострым лезвием). Мне не нравилось, что он не так старается, как я. Разве он не хотел встретиться?

А потом Джемма нашла кого-то еще, потеряла к Калебу

интерес и устала тратить силы на все эти уловки. Ей пришлось признаться.

«Я чувствую себя просто ужасно. Я самый гадкий человек на свете. Ты сможешь меня простить? Мне так жаль, что я это сделала, но в каком-то смысле все было не так и плохо, потому что ты же была счастлива, правда? Последние пару месяцев ты была так счастлива! Если хорошенько подумать, я сделала тебе подарок».

Она умоляла меня не говорить ее отцу, но наш разговор услышала другая горничная и поделилась с чистильщиком бассейна, который рассказал всем остальным, и не успела я оглянуться, как уже пожимала руку Полу и соглашалась на новую должность. В оптимистичных поздравлениях Пола крылся намек, что мое повышение полностью зависит от того, буду ли я поднимать шум. Если оставлю свои чувства при себе и погрущу в одиночестве, больше никаких отдраиваний ковров от винных пятен. И меня это устроило. Мэйбелл Пэрриш не поднимает шум. Она даже голос повысить не может.

Оттираю автомат с кубиками льда и прислушиваюсь к отдаленному звону колокольчика: в кофейне в облаках открылась дверь.

«Какое у вас блюдо дня?» – спрашивает клиент. Мысленно переношусь вслед за звуком.

Другая Мэйбелл улыбается покупателю из-за витрины с пирожными. Как и у меня, у нее круглые очки в золоти-

сто-розовой оправе и медово-каштановые волосы со стрижкой, как у Стиви Никс, когда они с группой выпустили альбом *Rumours* в 1977 году. У нее такие же созвездия веснушек на руках, что и у меня, и мы обе на правом указательном пальце носим изящное кольцо в форме сердечка, которое мама подарила нам на шестнадцатилетие.

Но эта Мэйбелл спокойная и уверенная. У нее есть любящий молодой человек, Джек, и честная, настоящая подруга Джемма. Губки у Мэйбелл нежные и розовые, без следов от нервных покусываний, красивый маникюр, который не нужно прятать в карманах. Попробовать ее свежие, прямо из печи, пончики приезжают аж из пяти графств. *Эта* Мэйбелл Пэрриш знает, как постоять за себя и добиться того, чего хочет, с первой попытки, а ее крошечный уголок вселенной защищает магия. Она контролирует погоду, беседы, эмоциональное состояние тех, кто приходит и уходит из ее кофейни. Здесь она действительно что-то значит.

Ускользать в выдуманный вариант собственной жизни – иногда осознанное решение. Но очень часто я даже не понимаю, как замечталась, пока меня не выдергивает из этого состояния громкий звук, а потом стоит проверить время – и оказывается, что прошел час. Целый час, просто как не бывало. Чем больше у меня тревог и забот в реальности, чем сильнее ощущается одиночество, тем меньше времени я намерена здесь проводить.

Сосредоточиться и не дать себе вновь улететь в волшеб-

ную кофейню очень сложно. Приходится выбрать тему, которая удержит меня здесь: Джемма. Прошло уже достаточно времени, и тот поступок перестал ее беспокоить. Теперь она считает, что это забавная история, которую можно рассказывать всем подряд, приукрашивая и добавляя детали. Я слышала, как она уверяла Хавьера, что мы с Джеком даже были помолвлены, что на самом деле вовсе не так.

Моргаю и заставляю себя встряхнуться, вновь видя генератор для льда. Его я уже вытерла и двинулась дальше, бессознательно разводя по автомату с содовой круги из хлорки. Вместо бумажного полотенца в руках влажное месиво.

– Извините, можно вас?

Устало оборачиваюсь, прямо чувствуя, что меня сейчас попросят выудить обручальное кольцо из слива в ванной. Раз в месяц такое точно происходит.

Подошедшая ближе женщина в розовом твидовом пальто читает мое имя на бейдже и улыбается.

– Ну здравствуй!

Я отвечаю самой вежливо-услужливой улыбкой, какую только могу выдавить. Пожалуйста, пожалуйста, не говорите, что кто-то снова сделал что-то непроизносимое в лифте. Уборная, чтобы поплакать вволю, находится прямо напротив.

Я уволюсь. Все брошу и уволюсь прямо сейчас, на законных основаниях.

– Добрый день. Что я могу для вас сделать?

– Вообще-то это я приехала кое-что сделать для тебя, – сообщает она, подходя еще ближе. Под мышкой у нее зажата пухлая папка. – Это так ужасно, сообщать дурные вести, но твоя двоюродная бабушка Вайолет умерла.

Глава вторая

– Непросто было связаться с родственниками Вайолет. Столько из вас друг с другом просто не разговаривают! – неловко смеется она. – Пробовала набрать номер Джули Пэрриш, но он не зарегистрирован.

– Да, у нее теперь новый... – В горле неожиданно пересохло. Не знаю, почему у меня такое чувство, что я вот-вот разрыдаюсь. С бабушкой Вайолет мы не виделись с тех пор, как мне было десять. С трудом сглатываю. – Новый номер. Я передам всем новость.

Не то чтобы маме было дело до смерти Вайолет. Пока бабушка была жива, мама страшно на нее сердилась, и после ее смерти точно не перестанет.

– Может, присядем? – предлагает женщина.

Веду ее к столику снаружи закусочной «Тим Хортонс» на первом этаже. Стулья все в лужах воды из бассейна. Никто никогда не обращает внимания на знак у выхода из аквапарка: «Вытирайте за собой места перед уходом».

Женщине, латиноамериканке африканского происхождения, должно быть, уже под шестьдесят: в черных кудрях, стянутых в плотный пучок, серебрятся отдельные прядки.

– Меня зовут Рут Кампос. Я ухаживала за Вайолет Ханнобар четыре года, и десять месяцев назад она назначила меня своим доверенным лицом. Сейчас я присутствую здесь как

душеприказчик.

Рут Кампос. Имя мне знакомо. Практически уверена, что она как-то связывалась с мамой по телефону, один раз и совсем ненадолго, когда мама пыталась выдать себя за поверенного с доверенностью Вайолет, надеясь получить немного денег. Прошло все не очень.

Рут рассказывает все одновременно по-доброму и как-то буднично: Вайолет умерла во сне утром в воскресенье. Ей было девяносто лет, но до самого конца разум ее был ясен, как стеклышко. И хотя передвигаться она могла с трудом, это не помешало ей активно участвовать в кампании по сохранению лесов. Следуя ее желаниям, все прошло без шумихи, даже службы не было. Ее прах рассеяли по землям поместья, как и прах ее мужа Виктора. Он умер, когда мне исполнилось одиннадцать. Я слышала об этом, но пойти на похороны мне не разрешили.

Глаза Рут немного порозовели, макияж смазался, и она часто-часто заморгала.

– Я буду скучать по ней.

– Не могу поверить, что ее больше нет. – Не могу представить, как это так, что большой дом теперь будет стоять без бабушки, что она больше не будет поливать свой очаровательный сад, не стряхнет пыль с резной деревянной отделки у входа в гостиную, тихонько что-то напевая. Все это время, несмотря на то что я точно оставалась размытым пятном в ее прошлом, она всегда была со мной, ярким, успокаивающим

воспоминанием, присутствуя на задворках мыслей, а сейчас эта каменная глыба, сорвавшись с места, катится вдаль, давя по пути все эмоции.

Я не видела ее двадцать лет. Мое самое счастливое воспоминание – то лето, проведенное в «Падающих звездах» покойной Вайолет Ханнобар, поместье конца девятнадцатого века, расположившемся на почти ста двадцати гектарах земли в часе езды к югу отсюда. Для маленькой девочки, которую передавали от родственника к родственнику, а потом вычеркнули из памяти, когда Джули Пэрриш сожгла мосты, дружелюбный розовый дом Вайолет казался замком и настоящей сказкой. Мне очень не хотелось уезжать.

И, по словам Рут, теперь он принадлежит мне.

Она достает из конверта бумаги, показывает, но у меня голова идет кругом, и я ничего не могу разобрать. Плеск воды в аквапарке и вопли детей ввинчиваются прямо в голову, из громкоговорителя каждый раз, когда дети стреляют из водометов в домике на дереве, вырываются звуки казу², и я отвлекаюсь, не в силах сосредоточиться. Моя жизнь, какой я знала ее утром, и жизнь, которая сейчас круто сменила направление, вот-вот столкнутся, как несущиеся друг на друга поезда.

Окидываю взглядом холл, ставший мне вторым домом с

² Kazoo (англ.) – американский народный инструмент, представляет собой небольшой цилиндр, сужающийся к концу, вроде свистка. – Здесь и далее – прим. переводчика.

моего совершеннолетия, когда я в восемнадцать лет присоединилась к маме, став здесь горничной. Наша семья не из тех, кто мог позволить себе поехать куда-то в отпуск, поэтому работа в аквапарке оказалась лучшей альтернативой. Помню, как я проходила под гигантской статуей медведя с банджо на парковке, которого видно даже из Долливуда³, и чувствовала себя такой взрослой.

«Будто каждый день – отпуск, – говорила моя мама. – Не жизнь, а мечта». Теперь мама в Атланте, и у нее новая жизнь-мечта. А я застряла здесь, даже без тени ощущения, что каждый день как отпуск.

– Бабушка говорила, что собирается оставить все мне, – пробормотала я. – Но это было сто лет назад. Я была ребенком.

– Она любила тебя.

– И за последние двадцать лет, что мы не виделись, не полюбила никого сильнее?

– За эти двадцать лет ты все равно осталась ее внучкой. – Рут накрывает мою руку своей. – Она понимала, почему ты не вернулась. Когда проходит время, чувство неловкости может мешать. Да и твоя мать затаила на Вайолет сильную обиду. – Она отодвигается, разглаживая содержимое конверта. – Ты, если я могу так выразиться, была единственным яблочком на семейном древе, которое ей нравилось. Кому же еще

³ Тематический парк в Пиджен-Фордж, названный в честь американской певицы кантри Долли Партон.

быть наследником, как не тебе?

Пытаюсь осознать информацию, но никак не получается. Если это означает то, что, как я думаю, это означает, я могу все бросить. Уехать из крошечной квартирки, из которой меня вытесняют, так как к подруге переехал ее парень и его друзья теперь постоянно остаются на ночь. Не знаю, что делать с работой, но теперь, с собственным домом, бегство из Пиджен-Фордж – уже не такой большой риск.

Я могу уехать из спа-комплекса «У горы». Могу уехать от Джеммы.

– А можно переехать прямо сейчас? – неожиданно для себя спрашиваю я, чуть ли не прыгая на женщину, так быстро и резко наклонившись вперед. – То есть прямо сегодня?

Рут кивает, отвлекшись на группу людей в купальниках у дверей аквапарка. Оттуда тут же доносится шум, плеск воды, но стоит створкам сомкнуться, как все немедленно стихает.

– Все готово. У Вайолет были последние желания, которые надо будет обсудить, но подробности могут подождать, пока ты не приедешь.

Голубой туман окутывает машины на стоянке, кружась на капризном весеннем ветерке. Сердце, стуча как сумасшедшее, загорается надеждой, понемногу приобретают форму новые планы.

– У меня есть дом, – тихонько говорю я. Голос звучит странно, незнакомо.

– У тебя есть дом, – подтверждает Рут.

Минуты тянутся медленно, пока я привыкаю к новой реальности, но Рут не выказывает никаких признаков нетерпения. Только отходит, извинившись, за круассаном и кофе, а потом возвращается и ест все в той же дружелюбной тишине.

— В чем подвох? — спрашиваю я. — Он обязательно должен быть.

Она давится круассаном и, поморщившись, поспешно делает глоток кофе.

— Попало не в то горло. Не волнуйся, все в порядке. Никаких долгов или закладных. Вайолет обо всем позаботилась.

Я опускаю ладони на стол. Получается, вот и все.

— Хорошо. — Дыши глубже, Мэйбелл. — Думаю, это значит, что... я увольняюсь.

Звучит как вопрос. *«Я увольняюсь? Могу ли я это сделать? Неужели это в самом деле происходит?»*

Кристин стоит у кассы, ругает стажера за то, что припарковался на ее месте. Можно было бы подойти к ней прямо сейчас и разыграть настоящую драму. История феерического увольнения, воспоминание о которой будет согревать годами.

Можно было бы выбросить бейджик в бассейн.

Уверенно высказать все свои жалобы и претензии, пригрозить, как она пожалеет, когда я уйду. Сколько часов я отдала этой компании, а в ответ получила только полис медицинского страхования, пестрящий дырами, ноль доплат за переработку и ноль из тех бонусов, которые, как меня заве-

ряли, я обязательно буду получать. Можно было бы указать на мокрые сиденья и велеть: «Быстро. Убери. Это», – для вящего эффекта премерзко хлопая в ладони при каждом слове.

При виде Кристин перед глазами мушками начинают мельтешить черные точки, а она тут же оборачивается, словно почувствовав, и пронзает меня взглядом, яснее слов вопрошающим: «Почему ты сидишь в свою смену?!» Господи, как же приятно будет произнести волшебные слова.

Но когда Кристин демонстративно постукивает по часам и хмурится, старые привычки оживают. Я снова безропотная маленькая мышка, встаю, будто собираюсь направиться прямоком за стол в общей комнате за раздвижной стенкой, мой предполагаемый кабинет, в котором я никогда не бываю, потому что меня вечно отправляют отчищать жвачку от ковров.

Никто не видит, как я аккуратно оставляю бейдж, электронный ключ и ланъярд в комнате отдыха. Как забираю сумку из своего шкафчика. Чуть не уношу с собой и пачку набранных «купонов альпиниста» – награды за примерное поведение, которые я собирала, чтобы обменять на большой лимонный коктейль-мороженое. В реальном мире они бесполезны, так что запихиваю их в шкафчик стажера. В голове не укладывается, что я увольняюсь, и тем более так тихо. Больше десяти лет в мечтах представляя, что в моем характере уходить шумно, хлопнув дверью, сейчас я не издаю даже легкого пшика.

Рука уже лежит на двери, вот-вот толкнет ее, как раздаётся оклик: Джемма выкрикивает мое имя с гигантского кресла-качалки, новшества, на котором любят фотографироваться за 29,99 доллара семьи. В этот момент я увольняюсь еще активнее.

– Эй, Мэйбелл! У тебя перерыв?

Вот он, мой час настал.

Ты просто астрономически ужасна, но тебе я буду скучать меньше всего. Ты заморочила мне голову, оскорбила мое доверие и имела наглость быть такой милой, что я и через много лет не смогу понять, как же так. Ты как камешек в ботинке. Неисправная душевая кабинка. Как длиннющая пробка. Как горсть жвачек среди конфет в ведерке со сладостями на Хэллоуин.

Кто-нибудь другой сказал бы это вслух, еще и похуже. Но, к сожалению, я – это я, покорный коврик в прихожей, которая, вероятно, вообще-то будет скучать по ней, так что я просто натянуто улыбаюсь и машу в ответ.

– Да. Скоро увидимся.

И вот я уже поворачиваюсь к ней спиной и выхожу. Последние обращенные к Джемме Петерсон слова храбростью не отличались, но на душе сделалось легко при мысли, что они последние. Теперь я снова улыбаюсь, и улыбаюсь по-настоящему. А по-настоящему улыбалась я... так давно, что уже и не помню.

Одна из примет об удаче звучит так: за черной полосой

идет белая. Луч надежды, выглядывающий из-за туч. Подростковые годы я провела в сомнительных мотелях или на диванах, принадлежащих тому, с кем в то время встречалась моя мать, болтаясь за ней по всему Теннесси, лишь урывками попадая в школу.

Я всегда выбирала неправильных парней, которые мне изменяли, и вообще-то должна была нарастить твердую скорлупу из проблем с доверием, но сердце слишком трусливо и по-прежнему сразу же прыгает в руки любому, кто их распахнет. Я чистила туалеты, меня унижали, игнорировали и представляли как утешительный приз проигравшим, а потом раз за разом отпихивали в сторону. Моя лучшая подруга вообще не подруга. Любовь всей моей жизни нереальна.

О мое сердце вытерли ноги, растоптали его в пыль. И вот сейчас, прямо с неба, на меня падает удача.

Я начинаю новую жизнь в «Падающих звездах».

Вершина мира – крохотная деревушка в графстве Блаунт, не получившая статуса города, с населением настолько мизерным, что там нет ни школы, ни почты. В детстве я думала, что «Вершина мира» – скорее местное прозвище, не может же деревушка действительно так называться, но потом нашла название в телефонном справочнике. Мне это показалось просто очаровательным.

Последний раз я смотрела на Вершину мира с пассажирского сиденья синей «Тойоты Камри» сквозь застилающие

глаза слезы. Мне было десять, а мама пришла в такое бешенство, что не могла сконцентрироваться, и вела машину дергаными рывками, удаляясь от города на рекордной скорости и, будто вор, постоянно проверяя зеркало заднего вида – не висят ли родственники на хвосте. Часть меня тогда так и не оправилась от разочарования, что за нами никто не погнался.

Теперь я сижу за рулем той же самой машины, и в глазах выросшей, павшей ниже некуда Мэйбелл все кажется нереальным. Одновременно другим и тем же самым, словно картинку перевернули, и я смотрю на нее, стоя по другую сторону. Дорожный баул, три коробки и спортивная сумка, втиснутые в багажник и утрамбованные на заднем сиденье, – вот и все мое имущество. Работая за мизерную плату, много и не накопишь, особенно если большую часть жизни провести с кем-то, кто спокойно берет у тебя все, что захочет.

Навигатор ведет меня в никуда сквозь мерцающие сумерки, мимо расступающихся время от времени деревьев, за которыми открывается такой вид на горы, что дух захватывает. Фары вспыхивают, выхватив флуоресцентный знак: кто-то перекрасил старое предупреждение о тупике, указав вместо этого «Ханнобар Лейн», и кровь начинает пульсировать узнаванием. «Мы знаем это место, мы знаем это место», – поют инстинкты, и меня накрывает волной ностальгии, хотя вызвавший ее краткий миг моей жизни вряд ли длился дольше четырех месяцев. Только попадаетесь что-то знако-

мое – и сразу же вспоминается второе, третье, еще и еще, и хотя пятнадцать минут назад окружающая местность казалась мутной киноплёнкой, во мгновение ока я уже знаю ее как свои пять пальцев. Коптильня эпохи Гражданской войны, стоящая под углом в сорок пять градусов, кладбище с гладкими от времени надгробиями – старые друзья. Еще не доехав, я уже знаю, где будет вмятина в заграждении, и знаю, откуда она взялась.

Последний поворот – и я машинально притормаживаю, прищуриваюсь и начинаю разглядывать стоящие один за другим знаки в свете луны, точно сталактиты, нависающие над землей. «ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН», «ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ», «ЗЛАЯ СОБАКА», «ОСТОРОЖНО, МЕДВЕДИ», «ВАС СНИМАЕТ КАМЕРА».

Сердце бьется как сумасшедшее, слезы подступают к глазам, но проливаться не спешат.

«Ты должна была вернуться гораздо раньше. Ты могла быть нужна ей. А сейчас уже поздно», – стучит в висках.

А потом у меня перехватывает дыхание, потому что вот они, «Падающие звезды», простираются передо мной во всем великолепии. Розовый камень главного дома цвета сумерек в море гортензий, четыре дымохода на фоне черного холодного неба, еще более темного, чем почти сливающиеся с ним горные склоны. Каждое дерево, цветок, каждая травинка и каменная плитка на мощеных дорожках – все чет-

ко выверено, продумано. Невысокие аккуратные живые изгороди обрамляют до одержимости тщательно подстриженный газон.

Первые девять лет моей жизни были наполнены множеством «Не трогай это!» и «Можешь сегодня поспать на диване, но завтра потрудись найти другое место». Я была обузой, занимающей гостевые комнаты, верхние койки и кухонные столы, ребенок без ремня безопасности, потому что в машине, и так полной кузенов, нам приходилось втискиваться на заднее сиденье седана. С тех пор как мне исполнилось одиннадцать, следующие шесть лет мы с мамой не могли больше полагаться на семью, оттолкнув их многочисленными просьбами о помощи, так что я вместе с ней ездила с места на место, повзрослев гораздо быстрее, чем другие дети. Думая о десятках крыш над головой, под которыми мы рано или поздно оказывались, я всегда вспоминаю ту единственную крышу. Ту, с которой ни одна другая не смогла сравниться.

На одно восхитительное лето я почувствовала себя желанной и нужной. Мы тут же установили собственные, неповторимые семейные традиции: наблюдать за птицами поутру, рассказывать сказки на ночь. Я помогала поливать фиалки, пробивавшиеся вдоль дорожек, чувствуя себя маленькой девочкой из «Таинственного сада», учила названия всех видов растений, которые с тех пор забыла. Обо мне не просто заботились, я действительно строила целую жизнь.

И воображение мое так вышло из-под контроля потому,

что в глубине души, несмотря на все, что со мной случилось и куда меня после забрасывала жизнь, я всегда знала – такое место, как это, действительно существует. Великолепное, ухоженное, неподвластное времени: мир, запертый внутри снежного шарика.

Вот только это уже не он.

Зеленые холмы, окаймленные лесом, теперь сами почти все заросли деревьями, когда-то далекая чаща теперь так близко, что кажется, еще немного, и она поглотит и сам дом тоже. Вьющиеся лозы оплели особняк. Они ползут по стенам, вцепляясь в каменную кладку, откалывая кусочки. Фары машины светят прямо в окна на первом этаже, выбитые, подмигивающие осколками, точно распахнутые акульки челюсти.

С потолков свисают лохмотья штукатурки. Обои отваливаются от стен. Странные темные тени поднимаются прямо к канделябрам. «Падающие звезды» поразила болезнь, точно замок Спящей красавицы после наведения проклятья. Дом даже больше не розовый: он серебристо-серый, как осенняя паутинка.

– Нет, – не веря своим глазам, выдыхаю я. Вайолет всегда так заботилась о своем доме, каждый день протирала пыль, пылесосила, мыла. В нем не было ни одной перегоревшей лампочки, а в библиотеке не нашлось бы ни одной криво стоящей книги. Кровати заправляли сразу же после пробуждения, тарелки мыли после еды, не мешкая, а вещи свои ты

складывал сам, стоило только достать их, еще теплые, из сушилки. Это поместье было ее радостью и гордостью. Она правила им как королева.

Мое внимание привлекают два квадратика света, мерцающие среди ближайших деревьев. Окна. А рядом с ними – треугольная постройка. Раньше там была рабочая мастерская дяди Виктора, но когда я маленькой забралась туда посмотреть, внутри обнаружила только темные груды заржавевшего оборудования для фермы и паутину. Теперь там горит свет, а рядом припаркован чей-то пикап.

Я осторожно подбираюсь ближе: тропинка неровная, асфальт местами распорот корнями деревьев – природа возвращает себе свою территорию. По дороге, зажав в кулаке ключи на манер когтей Росомахи, перебираю в памяти все, что знаю о правах незаконных поселенцев. Пикап – не единственный неожиданный сюрприз: рядом стоит желтый «Фольксваген Жук», совсем как тот, куда, попрощавшись, забралась Рут Кампос.

Та самая Рут, которая сейчас распахивает входную дверь и улыбается:

– Мэйбелл! Чудесно, ты как раз вовремя.

– Вовремя для чего?

– Как добралась? – вопросом на вопрос отвечает она.

Мне просто кажется, или она правда нервничает?

– Я только увидела дом. Он в плохом состоянии. Просто ужасном. Не ожидала увидеть вас здесь... – Вглядываюсь ей

за спину, мельком заметив розовую плохо освещенную гостиную без малейших признаков ржавых инструментов или паутин. Вместо этого там стоит диванчик в клетку, столик и настольная лампа со скачущими по абажуру мустангами. Стены бревенчатые, время от времени мигает голубоватый свет – где-то работает телевизор.

– Кто там? – спрашивает чей-то новый, глубокий голос. Я выпрямляюсь.

Неожиданно в дверном проеме появляется мужчина, закрывая весь обзор. Я дергаюсь, споткнувшись, и он машинально протягивает руку, будто чтобы помочь, но я уже шагнула назад, восстановив равновесие.

Это не просто мужчина. Это тот самый мужчина. Все еще единственный мужчина из моих самых потаенных, темных мечтаний.

Он высок, широкоплеч, с волевым подбородком. Русые волосы обрамляют лицо небрежными волнами, напоминая падшего ангела, чуть не утонувшего: Посейдон выбросил его из моря, а молния вернула к жизни. Глаза его сияют как топазы, как бокал искрящейся газировки в солнечных лучах, и зрачки расширяются, остановившись на моем лице. Все мысли, когда-либо приходившие мне в голову за все тридцать лет, вылетают за один миг. В горле чешется, будто от пыли, и в глазах, и в ушах...

Буря в душе пронзительно взывает, дергается, качает головой. *Невозможно.*

Все невозможное сегодня возможно. Это Джек Макбрайд.

Глава третья

– Кто это?

Невозможный Джек Макбрайд, раздраженный моим неожиданным появлением, мрачно наблюдает, как Рут жестом приглашает меня войти, а я послушно, будто в тумане, следую. Нет, невозможный Джек Макбрайд просто в ярости. Да и я не в состоянии сохранять спокойствие. Не могу перестать таращиться на него. Будет просто чудом, если я сейчас не свалюсь в обморок прямо к его ногам.

– Ты существуешь, – хрипло выдавливаю я, слишком тихо, чтобы кто-то услышал. Во всяком случае, мне так кажется: ощущение громкости катится прямо в бездну вместе со зрением, здравым смыслом, самоконтролем, всем, что я знала о жизни, и так далее.

– Это Мэйбелл Пэрриш, двоюродная внучка Вайолет, – сообщает Рут. – Дочка Джули. – И голос такой приторный, будто я подержанная машина, которую она пытается продать. – И она просто лапочка, так что будь милым, – выразительно просит она, подхватив мою безвольную руку и помахав ему в знак приветствия. – А это Уэсли Келер, садовник и управляющий поместьем.

Уэсли Келер.

Уэсли Келер, Уэсли Келер, Уэсли Келер. Это иностранный язык. Непостижимо. Он вообще не выглядит как Уэс-

ли Келер, он выглядит как Джек Макбрайд: безумно романтический, со склонностью к музыке и большим интересом к сфере недвижимости. Харизматичный, очаровательный. Заядлый путешественник, сёрфер, защитник окружающей среды. У него врожденный дар ладить с девушками.

«Джека Макбрайда не существует», – напоминаю себе я. Но!

Открываю рот, и из него со звуком спущенной шины вырывается накопившийся там воздух. Мужчина хмурится на мое «Эээээээээ», и винить его за это нельзя. Ну и выражение у меня, должно быть. Мне очень хочется, пусть так и делают только в фильмах, снять очки, протереть о рубашку, а затем надеть снова – проверить, не мираж ли передо мной.

– Господи, для тебя это, похоже, нешуточный удар, – замечает Рут. – Знаю, ты не ожидала никого увидеть. Прости, что пришлось все так преподнести вам обоим.

Джек – нет, Уэсли – резко оборачивается к ней.

– Преподнести что? – спрашивает он напряженно.

– А? – Рут оглядывается в поисках чего-то, на чем задержать взгляд. С точностью, будто от этого зависит жизнь и смерть, выбирает чайную чашку на подносе.

– Что преподнести? – изменившимся тоном повторяет он.

Он даже выше, чем я представляла, такой крепкий, устрашающий. Меня поражает его тень, маячащая на стене, от пола до потолка, и линия упрямой челюсти в профиль. Поражают едва заметные изменения в сложившемся у меня об-

разе, который встает перед глазами, стоит только вспомнить его имя: волосы у него на пару сантиметров длиннее, чем на фотографиях, и более растрепанные. На правой щеке видны четыре шрамика после угревой сыпи, а от света лампы черты его лица, и особенно рот, меняются, как и линия носа. Она не прямая! И совершенно очаровательная. И странная. Чуть левее от адамова яблока у него веснушка. Теперь я это знаю, знаю, что он существует, и сейчас нахожусь с ним в одной комнате и вижу эту веснушку, о которой прежде не догадывалась...

Мозг так ошеломлен подобными отклонениями от запечатленной картинки, что продолжает выключаться каждые пару секунд. Это не он – но ведь он, и вроде бы нет – и все же да. Фотография в памяти рассыпается, уступая место наблюдениям из реальности, из настоящего. Это сбой в Матрице – по обе стороны от него появляются бегущие столбцы зеленого кода. Может, я умираю?

– Рут.

Я дергаюсь. У него низкий голос, как шорох гравия под чьей-то тяжелой поступью, и все крошечные рецепторы внутреннего слуха тут же реагируют. Точно, это предсмертная реакция.

Рут поджимает губы. Крутит часы на руке, пока они не начинают показывать Тихоокеанское время.

– Да что происходит? – не выдерживаю я. – Как вы тут оказались?

Я схожу с ума. Это лицо. Боже мой, я представляла его тысячу раз. В какой-то момент я думала, что влюбляюсь. А теперь еще и голос под стать. За все недолгое время наших отношений мы никогда не говорили по телефону. Переписывались в том приложении для знакомств, пока я не намекнула, что готова удалить его и сделать следующий шаг вместе с ним, после чего мы начали переписываться по электронной почте. Интернет в Коста-Рике работал с перебоями – туда он, по идее, уехал волонтером после урагана. Говорил, что позвонить никак не может, но что он ждет не дождется, когда сможет вернуться в Штаты и встретиться со мной.

Я всему верила. Считала его сообщения такими романтическими, как старомодные любовные письма на современный лад, но потом пришло разочарование, потому что сообщения оказывались недостаточно длинными, приходили недостаточно часто. Все было недостаточно. Мне нужно было услышать его голос. Нужно было прикоснуться в реальности. Каждую ночь перед сном я благодарю богов, что мои фальшивые отношения с Джеком никогда не дошли до более откровенного этапа. Стоило мне попробовать намекнуть, и Джек тут же уклонялся, переводя тему, заставляя меня переживать, что между нами нет химии. Теперь же я рада, что Джемма не смогла перейти эту грань. А ведь отправь я свои обнаженные фотографии коллеге... даже не знаю, смогла бы я это пережить.

Я просто идиотка. Раньше мне и в голову не приходи-

ло, что хотя личность, созданная Джеммой, не существует, фотографии-то настоящие, а значит, где-то там все это время бродило реальное изображение моего несуществующего бывшего парня, который и понятия не имел о моем существовании. До этого момента. Теперь он в курсе моего существования, но меня саму не знает. Не знает как «Джек» и сейчас холодно, даже сурово разглядывает, и чувство неловкости пробирает меня до костей. В глазах нет ни намека на привязанность, ни искорки узнавания.

— Что значит — «что я здесь делаю»? — отрывисто уточняет он. — Я здесь живу.

— Что, черт побери... — начинаю я. — Это я здесь живу! — Это уже слишком. — Вы откуда взялись?

— Прошу прощения? — озадаченно переспрашивает он.

Рут касается моего плеча, но я едва замечая. Она спрашивает, в порядке ли я (разумеется, нет), и одновременно Уэсли всплескивает руками и заявляет, что понятия не имеет, о чем все говорят. Единственное, что мне приходит в голову — это вытащить телефон. Там два сообщения от Джеммы: *«Привет, ты опаздываешь»*, через пару часов: *«Ты в порядке?»* Одно от Кристин: *«Ты не отметилась перед уходом и не получила разрешения уйти раньше. Можешь рассчитывать на письменную жалобу»*. Пропущенный звонок и сообщение на автоответчике от Пола, моего начальника, которое я слушать даже не собираюсь.

Листаю сообщения в почте в поисках фотографий, кото-

рые мне присылала Джемма с почты Джека (раньше они были у меня в телефоне, но я давно все стерла), и в голову закрадывается подозрение, а вдруг я ошиблась. Я слышала о таком: когда слишком концентрируешься на одном человеке, то начинаешь видеть его везде. Уэсли может оказаться совсем не похож на Джека, но мой изможденный мозг выжат как губка после долгого и тяжелого дня, так что это просто галлюцинации. Линии передач между глазами и нейронными связями распилили обитающие на чердаке дикие еноты.

Или нет.

– Ага! – Торжествующе показываю им телефон. Вот она, моя любимая черно-белая фотография Джека Макбрайда. Это он. Точно он! Да, с щетиной и без смокинга, но я же права. Господь и все его архангелы.

Уэсли медленно переводит взгляд с экрана на меня, такое быстро расцветившееся монохромное изображение. Наблюдаю за сменяющимися в его прекрасных карих глазах эмоциями и мыслями, точно альбом листаю. В самом деле, эти глаза – что-то невероятное. Они как поблескивающие камушки на речном дне. Как бронзовые монетки. Как кожаная обложка дневника грустного чувствительного эмпата, пишущего стихи о потерянных возлюбленных...

– Откуда, – медленно начинает он, вырывая меня из блуждающих размышлений, – у вас моя фотография со свадьбы моего брата?

– Это... хороший вопрос.

Медлю, будто это он должен ответить.

– Я не понимаю. Здесь никого не должно было быть. И потом, дом же просто разваливается! Что с ним случилось? Вы же тут садовник? Так и сад тоже в ужасном состоянии!

Он, нахмурившись сильнее, уже открывает рот, но я продолжаю, не оставив ему шанса:

– Я хочу знать, кто вы, и прямо сейчас. Вы знакомы с Джеммой Петерсон? Вы с ней заодно?

– Заодно в чем? – тоже повышает голос он. – И кто такая Джемма?

– Джемма Петерсон! – С меня довольно. Больше никто не будет играть со мной как с куклой. Я ожесточенно тыкаю в телефон, пока не нахожу страничку Джеммы.

– А я тоже должна знать какую-то Джемму? – в замешательстве восклицает Рут. Уэсли пожимает плечами, но потом в его лице что-то меняется. Я вижу этот миг – тот самый, когда он узнал фотографию.

– Это женщина из гольф-клуба.

– Что? – в один голос изумляемся мы с Рут.

– Из гольф-клуба в Пиджен-Фордж. – Он смотрит мимо меня, на Рут. – Какое-то время назад я работал над ландшафтным дизайном гольф-клуба «Потерянные сокровища профессора Хакера», и эта женщина, – указывает он на экран, – работала там, больше года назад. Она после закрытия тайком водила туда своих друзей поиграть в гольф бесплатно, мешала мне работать, портила новый дерн. Ее за

это уволили.

Джемма улыбается мне с экрана. Очень даже представляю, похоже на нее, да и по времени совпадает. Она, скорее всего, пришла в спа-комплекс как раз потеряв работу у «Профессора Хакера». Прекрасно понимаю, почему она, выследив Уэсли Келера по интернету, использовала его в качестве наживки, чтобы отвлечь меня от Калеба. И кто бы устоял? Он просто великолепен. Она позволила себе некоторые вольности, придумывая Джеку характер, что, опять же, вполне логично. Джек Макбрайд был как раз в моем вкусе: общительный, отзывчивый, всегда говорил именно то, что нужно. Уэсли я совсем не знаю, но пока что особенно дружелюбным он не кажется.

Губы немеют, пальцы не слушаются.

– И как эта женщина связана с тем, что у вас моя фотография? – спрашивает Уэсли.

Ни в коем случае не признаюсь. Слишком унижительно.

– Забудьте. Я приняла вас за другого.

– Но это не...

Может, если я так и буду его перебивать, он забудет.

– Так вы сказали, что живете здесь? – Голос тоже онемел. Хочется свернуть себя и затолкать в чемодан. Отправить себя на Луну. Куда угодно, лишь бы не стоять тут, разваливаясь у него на глазах.

– Я живу здесь уже несколько лет, – нехотя отвечает он, и то – не мне, а пустому месту за моим плечом. – Этот кот-

тедж – для садовника. Который, как мы уже выяснили, перед вами.

– Точно, – с невольным слабым смешком вырывается у меня. – Это вы.

Подумать только, что на прошлое Рождество, когда я, как и каждый год, отправила Вайолет открытку и когда она прочитала слова «Надеюсь, в 2021 году моя личная жизнь изменится к лучшему» (ведь я надеялась, что у нас с Джеком все серьезно и мы наконец встретимся) – так вот, в этот самый миг мужчина с лицом Джека мог стоять рядом с ней. У вселенной порой злое чувство юмора.

– Как тесен мир, – выдыхаю я бесшумно.

– Наверное. – Уэсли рассерженно проводит рукой по волосам, по-прежнему глядя в стену за мной. Красивее его я никого не встречала, и я ему явно не нравлюсь. – Послушайте, я не знаю, что происходит. Вы внучка Вайолет? Приехали за чем-то из ее вещей?

От меня не ускользнула его реакция на слова Рут, когда она представила меня как «дочь Джули». Если он знал Вайолет, значит, слышал и о моей матери. И решил, что я приехала просить подачек.

– Я приехала за этим домом, – удается произнести мне почти четко. Могу собой гордиться.

– Вы приехали... – Брови у него чуть ли не со стуком сходятся на переносице, и он оборачивается к Рут.

– Знаете, – нервно улыбаясь и изображая радость, начи-

нает она, — я готовилась, но пока что все идет как-то не по плану. — Рут садится на диванчик и хлопает по обеим сторонам от себя. — Я могу все объяснить. И давайте-ка я начну с того, что мне запрещено было рассказывать.

Сажусь слева от нее и вздыхаю:

— Я уже ничего не понимаю.

Уэсли не садится. Прислоняется к входной двери, прищурившись, руки в защитном жесте сложены на груди. Никак не могу прийти в себя — увидеть его вот так... какие-то астральные ощущения. Так странно заставить себя сесть и сидеть, делая вид, что вовсе не схожу с ума.

— Только не казните гонца. Мне...ох... велели не раскрывать всех подробностей завещания, пока ты, Мэйбелл, не приедешь в поместье. — Тут она поворачивается к Уэсли. — Поэтому я к тебе и заглянула. Она сказала, что приедет сегодня, а мне обязательно надо было присутствовать.

Уэсли выглядит так, будто его верхняя и нижняя челюсти вот-вот разотрут друг друга в порошок. У него вырывается какой-то сердитый звук, но он сдерживается и ничего не говорит.

Рут решает, что проще сосредоточиться на мне.

— Вайолет думала о тебе каждый день. Жалела, что не смогла ничего сделать тогда, но в ее возрасте вряд ли кто-то бы позволил ей оформить опеку над тобой, и она это знала.

Так странно слышать, что кто-то заботился обо мне, а я об этом даже не подозревала. Странно представлять, что ко-

му-то где-то я была небезразлична настолько, что они помнили меня, думали обо мне, даже когда я не была рядом.

– Уэсли, – продолжает Рут, – Вайолет была так тебе благодарна. Ты действительно сделал все возможное и невозможное для нее, и сердце говорит мне, что она не прожила бы так долго, если бы в поместье не приехал ты. – Она откашливается. – Вайолет любила вас обоих и хотела, чтобы дом достался вам. Она не смогла выбрать. Поместье принадлежит вам обоим.

В комнате воцаряется гробовая тишина. Уэсли, прищурившись, пристально оглядывает меня, будто до этого заявления я была кем-то незначительным и теперь ему нужно присмотреться повнимательнее.

– Обоим, – машинально вторю я.

– Мне приказали каждому из вас по отдельности объявить, что дом оставили вам, вместе с землями, этим коттеджем – всем. А потом, когда вы окажетесь здесь, уже рассказать правду о том, что у вас, как у наследников, абсолютно одинаковые права. – Она садится ровнее, распрямив плечи, будто ждет нападения. – Я неукоснительно выполняю инструкции Вайолет, поэтому, прошу, не обижайтесь на меня очень уж сильно.

Уэсли смотрит мимо нас обеих, будто в другое измерение.

А я словно застряла в одном мгновении и могу только повторять:

– Нам обоим.

Рут кивает.

– Все необходимые счета за поместье оплачены, но, к сожалению, в финансовом плане от наследства мало что осталось. Мне она завещала коллекцию виниловых пластинок и десять тысяч долларов, а также по две тысячи каждому из моих троих детей, медсестре – пять тысяч долларов и машину. О, и еще она оставила несколько сберегательных облигаций почтальону. После оплаты кремации и очень, очень щедрых пожертвований на благотворительность, указанных в завещании, на банковском счету осталось... – она прищуривается, вспоминая. – Тридцать один доллар и мелочь.

Виктор Ханнобар начинал с местного флагманского магазина (продававшего в основном бумажники и сумочки), который потом разросся в торговую сеть по всему Теннесси, а сам он постепенно создал целую империю, занимаясь предметами роскоши – к этому времени Ханнобары были известны по большей части часами. Компанию он позже продал за астрономическую сумму, и если бы у них были дети, денег бы хватило на безбедную жизнь следующей паре поколений.

– Что случилось?

Рут уже собирается ответить, но у меня слишком много вопросов, поэтому приходится снова перебивать:

– Как вообще можно обладать равными правами на наследство? Мы же не можем... – запнувшись, оглядываюсь на Уэсли и продолжаю: – Не можем оба жить в доме. Можно увидеть документы? Может, она указала, как разделить ак-

тивы, скажем... я получаю дом, а Дж... э-э... Уэсли – этот коттедж.

На этих словах душа Уэсли возвращается в свою телесную оболочку.

– Повторите, что?

– Вам самим придется решать, как и что вы захотите разделить, – отвечает Рут. – Вайолет по этому поводу ничего не указала. – Она достает из своей безразмерной сумочки бумаги и передает нам. Внизу каждой страницы, в крошечных, напечатанных восьмым кеглем сносках, моя бабушка старательно перечислила все, что могло сделать вопрос наследства максимально трудным и щекотливым.

– Хочу вам сообщить, – обращается к ошарашенной аудитории Рут, – что никаких долгов за поместьем сейчас нет, но с этих пор налоги и страховка переходят под вашу ответственность.

У меня падает челюсть. Никогда не живя в собственном доме, я об этом даже не задумывалась.

– И о какой сумме идет речь?

– В зависимости от ситуации. Если продать...

– Нет, – возражаем мы с Уэсли одновременно и тут же хмуримся, смерив друг друга взглядами.

– ...придется заплатить изрядные налоги. Таков порядок с полученными в наследство домами. Бенефициарам дешевле оставить их, чем продавать.

Мозг отключается на словах о налоге на прирост капита-

ла, но снова оживает, когда слышит:

– С точки зрения налогов превратить поместье в ваше основное место жительства – самое разумное решение. Но я ни в коем случае не собираюсь указывать вам, что делать. Так, а еще Вайолет... – Рут разворачивает лист сиреневой бумаги и идет к стене. И пока она отрывает пару кусочков скотча и что-то делает с листком, Уэсли резко разворачивается ко мне, бросив все силы на устрашающий взгляд, пока от меня не остается одно привидение.

– Я выкуплю твою долю, – отрывисто произносит он. Просто как факт.

– Что? Ну нет!

– Рут сказала мне, что я единственный наследник, так что я уже все спланировал. Я хочу много что изменить здесь, усовершенствовать – все то, что давно предлагал сделать, но Вайолет никогда не слушала. Я куплю его у тебя. Отремонтирую дом, потом вызову оценщика, и ты получишь половину стоимости. – Соображает он быстро, но мастерством убеждения не владеет. Вместо мягких, осторожных уговоров будто из пулемета словами стреляет. – Мы заключим договор, составим график платежей.

Он сошел с ума?

– Я не собираюсь отказываться от права собственности, – возмущаюсь я. – Это дом моей бабушки и должен оставаться в семье.

Он чуть откидывает голову назад, непроизвольно привле-

кая мое внимание к горлу с четко выраженным кадыком.

– У тебя какое-то странное определение «семьи». Я прожил здесь четыре с половиной года, но тебя не видел здесь ни разу. Что это за внучка навещает бабушку, только когда она уже умерла и только потому, что ей что-то причитается?

Щеки горят.

– Ты понятия не имеешь, о чем говоришь.

– Делайте что хотите, – устало вмешивается Рут. Боковым зрением вижу, что она прикрепила лист к стене. – Выполнять волю покойной вы юридически не обязаны. Но, говоря это как друг Вайолет, а не поверенный: я считаю, это было бы неправильно.

Уже собираюсь попросить больше информации, объяснений, но Уэсли подходит на шаг ближе, и все заготовленные слова испаряются из мыслей. Он ростом сто девяносто, а то и сто девяносто пять сантиметров, но тот темный огонь, что пылает в нем сейчас, делает его выше еще на пару метров. Чем дольше держится зрительный контакт, тем ниже опускаются потолки, а стены сжимаются, сдавливая нас со всех сторон.

– Дом в ужасном состоянии, – тихо, но с какой-то неистовой силой говорит он. – Пожар может начаться в любом месте. Ты даже отопление включить не сможешь, пока не придет проверка из пожарной службы. Тебе такая гора проблем ни к чему, поверь. Дай мне пару месяцев. После оценки...

– Я не могу ждать пару месяцев, – обрываю его я. – У меня больше ничего нет. Я уже сказала соседке по квартире, что съезжаю. Все мои вещи в машине. Это... все, что у меня есть, в буквальном смысле! Я думала, что дом принадлежит мне.

– И что ты в таком случае предлагаешь?

– Не знаю. – Тру глаза, чувствуя подступающую мигрень. – Не знаю! Я устала. День был тяжелый. – Поднимаю взгляд на Рут, в надежде, что у нее есть какое-то ясное и четкое решение, но женщины нигде нет. И сумочка исчезла с дивана.

Она просто тихонько сбежала.

Оставив меня одну в этом коттедже, который вроде бы мой, но где мне совсем не рады, и стоит он на земле, которую мне придется делить с этим пылающим гневом мужчиной – и с такой-то внешностью! В доме жить невозможно, и все же, судя по всему, мне придется.

Моя полоса везения уже закончилась.

Глава четвертая

Что ж, вариантов не так и много. Поблизости есть какой-нибудь мотель? Хотя это и не важно: я не могу потратить все сбережения на отель, в котором нужно будет жить несколько месяцев – потому что именно столько потребуются, чтобы привести поместье в порядок. Возможно, придется спать в машине – но уж точно не в первый раз.

Из коттеджа я вышла сразу же, вернулась в свою «Тойоту». Это... я заставляю себя не думать о том, что чувствую, потому что в сознании тут же звучит голос мамы: «Жизнь несправедлива. Привыкай».

Пытаюсь убедить себя собраться. Сейчас слишком холодно, чтобы упиваться горем и ныть.

В самом деле холодно, особенно когда я не двигаюсь, и нервы начинают сдавать. Экран телефона сообщает, что снаружи плюс четыре градуса, а я не могу держать печку включенной, иначе аккумулятор разрядится.

Стукаюсь лбом о руль. Ну ладно, Мэйбелл. Можешь немножко понять. Самую малость. Сейчас, по моему плану, я должна была лежать на диванчике в гостиной Вайолет: там горел бы камин, а по телевизору фоном звучали бы вечерние новости – просто чтобы не сидеть в тишине, потом я бы заглянула в ее огромную кладовую и приготовила бы себе что-нибудь сладенькое на скорую руку.

Не помню, как решила выйти из машины. Просто – раз! – и я уже на ступенях дома и поворачиваю ручку. Ключ, который мне еще днем отдала Рут, бесполезен: дверь закрыта на замок, но сама болтается в петлях и поддается, стоит только коснуться.

Фонарик на телефоне освещает холл, большую изогнутую лестницу, заставленную плотно набитыми мусорными мешками; какие-то из них разорваны. Жду, что меня встретит знакомая плетеная скамейка с синей подушкой в цветочек. Абажуры восьмидесятых годов в юго-западном стиле, розовые с песочным, вышедшие из моды еще в то время, но для десятилетней меня – неоспоримый идеал. Я будто жила на съемочной площадке ситкома начала девяностых, но какие бы внушительные размеры вы ни представляли – представляйте еще больше. И с бóльшим количеством потайных дверей.

Здесь столько всего собрано и упаковано, что звук шагов теряется моментально, ни намек на эхо. Бабушка Вайолет заказывала все, что показывали в передаче «Как в телевизоре!», идущей в час ночи, и теперь тут громоздятся целые стены, башни с бойницами, от которых аж пол проседает. Оторопело осматриваюсь, разглядывая покупки, которые будто никогда и не вынимали из коробок: вафельницы, миниатюрные рождественские деревеньки, мороженицы. Стопка раскрасок мне по пояс. Столько фигурок и детских наборов, что можно играть в новую настолку каждый день. Парики, ко-

робки для рыболовных снастей, расшитые блестками шляпы, фартуки. Сотни книг и дивидишек. Я смотрю на это, раскрыв рот, хотя глаза уже жжет от напряжения, пыли и кое-чего еще, что, видимо, теперь и не пройдет.

«Это твоя вина», – шепчет оно.

Две узкие (пожилая женщина едва протиснется!) тропинки ведут от двери направо и налево, минуя лестницу, раз к ней все равно не подобраться. Поднимаю телефон повыше, посмотреть, как далеко они идут. Кружащаяся пыль поблескивает в лучах света так густо, будто снегопад – почти можно поверить, что настоящий.

Температура ушла далеко в минус. Холод просачивается под кожу, в виски, подталкивая оцепеневшие воспоминания наружу, к бесконечному повтору. Не могу поверить, что та же самая Вайолет Ханнобар, никого не пускавшая дальше прихожей в уличной обуви, стала той Вайолет, которая жила в этом кавардаке.

Принимаю сомнительное решение пойти дальше, потому что ну не может же так быть везде. Кухня была ее любимым местом в доме: блестящая, просто высший класс, с лучшими приборами и двойными печами («для двойных десертов»). Пробираюсь через и под упаковками с кухонной утварью, будто в игре «Дженга» в натуральную величину, борясь с паутиной и наступая на чьи-то маленькие косточки.

Что-то темное летит на меня из ниоткуда, и я вскрикиваю, тут же пригибаясь и отступая от стены. Игрушечная плита

падает на упаковку в подарочной обертке и начинает крутиться и светиться. «Тяни-и-и-и!» – раздается вопль не иначе как одержимого демонами существа, виной которому могут быть только севшие батарейки, и я кричу в ответ.

Когда тропинка наконец расширяется, я уже в гостиной.

Получается, кухня осталась позади. Хромированное чудо бабушки Вайолет, с изысканными двойными печами для двойных десертов, пало жертвой синдрома барахольщика.

Натыкаюсь на собственное пришибленное отражение в сером экране заброшенного телевизора, и если закрыть глаза, то ничего и не изменилось. Из соседней комнаты доносится мягкое жужжание кислородного аппарата дедушки Виктора. Мы с Вайолет сидим на бордовом диванчике, я настаиваю, что уже достаточно взрослая для «Неразгаданных тайн», но бабушке это не нравится. Говорю ей, что у кузена дома видела и похуже – он обычно смотрел фильмы ужасов с рейтингом «R»⁴, пока я спала (или пыталась спать) в кресле. Вайолет прикусывает губу: «Похоже, мне придется позвонить Брэндону».

С блеском для губ и блестящим лаком для ногтей, надушившись детскими духами, я чувствую себя настоящей кинозвездой. Вайолет пшикнула парфюм «White Diamonds Elizabeth Taylor», ярко-рыжие, но седые у корней волосы накрутила на бигуди. Серьги ей в молодости подарил Марлон

⁴ Согласно системе Ассоциации МРАА (Motion Picture Association of America), рейтинг R означает, что детям до 17 лет обязательно присутствие родителей.

Брандо, «но, пожалуйста, не говори об этом дедушке Виктору». На шести пальцах – тяжелые украшения, такие, что ее родные братья и сестры могли бы за них убить, шепотом рассказывает она, прикрыв рот ладонью, будто не хочет, чтобы кто-то услышал.

Медленно и неуверенно выдыхаю. Маленькая девочка на бордовом диванчике выросла, но быть взрослой оказалось совсем не так, как она думала. Она настолько запуталась, что это пугает. Единственного человека, который заботился о ней, больше нет.

Перед мысленным взором появляется Вайолет и, заговорщицки подмигнув десятилетней мне, исчезает. Никто не заботился и о ней тоже. На полу, почти под ногами – грязное одеяло с чашкой и заплесневелой щеткой в ней. Электрическая плита не работает, но все еще включена в розетку, на ней керамическая плочка с прилипшей по краям лапшой быстрого приготовления. Из-под подушки выглядывает хвост мертвой крысы.

Площадь дома чуть больше тысячи квадратных метров: блистательно-элегантный, с винным погребом, кладовой дворецкого и другими необязательными, но прекрасными дополнениями. Некоторые комнаты больше, чем иные дома, а какие-то из них, когда я жила здесь, использовали всего раз в год: все остальные триста шестьдесят четыре дня они стояли закрытыми. И тем не менее к концу жизни Вайолет оказалась прикована к гнездышку размером едва ли

больше метра.

– Я убедил ее перебраться в коттедж вскоре после того, как она наняла меня.

От раздавшегося за спиной другого голоса у меня вырывается крик такой силы, что какой-нибудь бумажный самолетик просто снесло бы звуковой волной. Я подпрыгиваю и оборачиваюсь одновременно, подворачивая лодыжку, и сваливаюсь прямо на дохлую крысу, которая оказывается очень даже живым опоссумом. Что приводит к еще одному пронзительному воплю.

Уэсли не предлагает помочь, не протягивает руку, просто отчужденно наблюдает.

С трудом поднимаюсь, путаясь в ногах, сердце выстукивает какой-то кошмарный ритм. Я будто бомбу проглотила.

– Господи! Вы откуда взялись?

Он молча указывает себе за спину.

– Ну да, конечно. Но как вы пробрались так незаметно?

Он же высоченный. Я должна была услышать, как он продирается сквозь эти джунгли, задолго до того, как увидела. Может, он воспользовался потайным ходом? Пытаюсь вызвать в памяти чертеж дома, но все мои знания о поместье перевернули с ног на голову да еще и потрясли хорошенько. Учитывая, как дом выглядит сейчас, я вряд ли вспомню, в какой стороне моя старая спальня. Где-то наверху – вот и все, что могу сказать.

Он пристально рассматривает меня, будто это я веду себя

подозрительно.

– А вы что тут делаете? Здесь небезопасно.

– Ищу, где устроиться на ночь. – Наклоняюсь и выдергиваю плиту из розетки, поддавшись параноидальному страху, что она вдруг начнет работать, даже несмотря на отключенное электричество. В таком случае это место засияет ярче огней фейерверков в честь празднования Дня независимости.

– Устроиться на ночь, – безо всякого выражения повторяет он.

– Да. Я отказалась от своей комнаты в полной уверенности, что у меня есть новый дом с мягкой, уютной, ждущей меня постелью. Что впереди настоящая королевская жизнь. – Упираю руки в боки, изучая далеко не впечатляющую обстановку. – Никакого «клада» или выигрышного лотерейного билета у меня нет.

– Хороших кроватей здесь не найти.

– Это я уже поняла, спасибо. Буду импровизировать. Видела тут неподалеку целые короба приставок Nintendo 64, может, сооружу себе что-то похожее из них.

Уэсли на шутку не улыбается, а снова хмурится. Кажется, мнения о моих умственных способностях он крайне невысокого.

– Вы не можете оставаться здесь, это опасно.

Он совершенно прав.

– Я уже большая девочка. И могу о себе позаботиться.

Уэсли медлит. Тревожная морщинка меж бровей превра-

щается в настоящую траншею, и он молчит так долго, что я уже начинаю подозревать, не робот ли он, который неожиданно выключился.

– Можете остановиться в коттедже, – наконец неохотно выталкивает слова он. Самое вымученное приглашение в истории. – Наверное. – Еще одна бесконечная пауза. – Пока что.

Невозможно.

– Почему нет?

Оказывается, я произнесла это вслух.

Разумеется, я не собираюсь говорить Уэсли, что он мой бывший парень и просто не знает об этом, поэтому выпаливаю совершенно другое:

– Там недостаточно места. Как я видела, в коттедже всего одна комната, которую уже занимаете вы. А если ночевать на диване в гостиной, я вам просто помешаю. – А я больше не собираюсь быть обузой. – Все в порядке. Я устроюсь в другой комнате, где меньше опоссумов. – Пытаюсь изобразить небрежную позу и спотыкаюсь о чашку с зубной щеткой. Во все стороны разбегаются тараканы. – Так, неважно, посплю в машине. Кстати, вы умеете обращаться с разрядившимися аккумуляторами?

Он хмурится еще неодобрительнее, теперь и рот повторяет те же очертания. Для него молчание – оружие, и он позволяет тишине продлиться еще какое-то время и только потом сообщает:

– В коттедже две спальни. Моя наверху. Вы можете занять старую комнату Вайолет.

– Правда? – тут же воодушевляюсь я. – Вы уверены? – Обычно, прежде чем остаться у парня дома, мне нужны данные о его полном медицинском осмотре, но мороз стоит такой, что я уже вижу собственное дыхание – серебристые выдохи смешиваются с облачками пыли. Кроме того, бабушке Вайолет он нравился настолько, что она оставила ему половину поместья. Если он был у нее на хорошем счету, то и меня устраивает. Придется, конечно, найти способ вытравить из мыслей все ассоциации с Джеком Макбрайдом и не думать о том, какой он потрясающий красавец, пусть и холодный как лед, но это пустяки. Обдумываю его предложение только пять секунд, а в процессе успеваю насчитать минимум три летучие мыши и четыре светящихся глаза в углу потолка.

Он поворачивается к выходу.

– Поменяю белье в ее комнате.

Вспоминаю, как Рут сказала, что Вайолет умерла во сне, и все тело покрывается мурашками при мысли о том, что буду спать в ее постели.

– Вы могли бы и матрас тоже перевернуть? – прошу я его удаляющуюся спину.

Уэсли не отвечает. Проходит боком между нагромождений коробок и исчезает.

– Что вы, не беспокойтесь, не ждите меня, – ворчу я, про-

бираясь следом. — Вам же без разницы, умру я или нет.

Это просто будет значить, что он получит целое поместье, а не его половину. Может, стоит насторожиться?

Двигаюсь я медленно. Гигантские коробки с пластилином и наборы для плетения из бисера угрожающе кренятся, зло-веще целясь в мою незащищенную макушку. Как ужасно было бы умереть от «Волшебного экрана».

Когда я наконец выбираюсь на улицу, Уэсли и след про-стыл.

Открываю дверь коттеджа и едва успеваю заметить движение, мелькнувшее всего на долю секунды: это захлопну-лась подъемная лестница на второй этаж. Шаги гулко про-шли по потолку, и все стихло.

В комнате Вайолет вещей оказалось мало, вероятно, по-тому, что все запасы она собрала в главном доме и не хотела, чтобы зараза распространилась и по коттеджу. Или не хоте-ла, поддавшись вредным привычкам, усложнять жизнь Уэс-ли у него же дома.

Обстановка простая, но уютная. Удобная двуспальная кровать, туалетный столик из вишневого дерева с зеркалом, лампа, книжный шкаф. И все же в комнате витает ощущение незаконченности. Что кто-то вечером лег спать, даже не по-дозревая, что утром уже не проснется. Опять воображение играет со мной.

Вытаскиваю из машины привезенные вещи, но сил толком распаковывать уже нет. Ужасно хочется в душ и что-нибудь

съесть, но любопытство все же пересиливает. Подхожу к сиреневому листку, который Рут прилепила на стену, и глаза лезут на лоб от удивления.

ПОСЛЕДНИЕ ЖЕЛАНИЯ ВАЙОЛЕТ

ИГНОРИРОВАТЬ НА СВОЙ СТРАХ И РИСК
*(БУДУ ПРЕСЛЕДОВАТЬ ВАС ПРИЗРАКОМ,
НАЛОЖУ ПРОКЛЯТЬЕ НА ВСЕ ВАШИ СЕМЕЙСТВА
НА ТЫСЯЧУ ЛЕТ И Т.Д.)*

Желание 1. Очень тщательно (тщательно!) осмотрите каждый предмет в доме, прежде чем пожертвовать / выбросить / оставить себе.

Желание 2. Виктор думал, что где-то здесь закопан клад, но я так его и не нашла. Для бесстрашного исследователя действует правило «кто нашел – берет себе».

Желание 3. Мэйбелл, дорогая, я была бы в восторге, если бы ты расписала стену в бальной зале.

Желание 4. Не забывайте, что вечер кино с другом – священный закон. Уэсли, мне бы очень хотелось, чтобы ты по такому случаю приготовил мои любимые пончики с корицей.

Пританцовывая, я вхожу в свою кофейню в облаках, а он уже там, протирает мокрой тряпкой барную стойку. Все вокруг становится нечетким, расплывается в дымке, черно-белой, как в старом фильме. Другие лица теряются, затемнен-

ные виньеткой, и только одно будто светится. Джек смотрит на меня, сияя лучезарной улыбкой – так он улыбается только мне. Сегодня Джек не принц, а бариста. Мы так долго то сближались, то отступали, столько времени копилось сексуальное напряжение, но сейчас оно достигло своего пика, и остается только поддаться ему, раствориться в чувственном желании. Это моя любимая часть нашей истории любви. Мы уже знаем друг друга до последней черточки. Доверяем, принимаем недостатки друг друга. Я знаю, он никогда не обидит и не ранит меня, потому что в «Кофейне Мэйбелл ВПВ» никто не может причинить мне боль без моего позволения.

– Мэйбелл, – беззвучно выдыхает он и бросается ко мне. – Я больше так не могу. Последние несколько месяцев были невыразимой пыткой, и если я не расскажу тебе о своих чувствах, упаду замертво прямо сейчас.

– Джек! – восклицаю я. – Что случилось?

Он берет мои руки в свои:

– Когда я смотрю на тебя, не могу даже думать нормально. Кто Афродита по сравнению с тобой? Это ты – богиня красоты. А как остр твой разум! Поразительно, как у тебя получается мысленно считать любые цифры, например, если бы я спросил, сколько будет четырнадцать тысяч двести восемьдесят семь умножить на двадцать тысяч пятьсот сорок один, ты бы выдала ответ вот так, – щелкает пальцами он.

– Если умножить, будет... [ответ скрыт], – скромно отвечаю я. – Но мне не нравится считать себя такой уж умной. Я

просто обычная девушка.

– В тебе нет ничего «обычного», Мэйбелл, – продолжает он с восхищением и желанием. Подхватывает меня на руки и кружит, как принцессу. – Ты заботливая, искренняя, популярная, стоит тебе войти в комнату, как все только на тебя и смотрят. А твои глаза! Несравненные. Они самого прекрасного голубого цвета, как море в рекламе карибских курортов. Прости, что так спешу, но мое сердце – я не могу больше терпеть, мне нужно знать, что ты ко мне чувствуешь!

– Это все так...неожиданно. – Я сейчас упаду в обморок. Только подумать, меня настолько захватила работа в моей оживленной процветающей кофейне – вообще-то самой успешной во всей области, – что я едва замечала, что происходит между нами, прямо под моим носом. Или, может, тайно тосковала по нему. Еще не решила, как должны развиваться события.

– Я люблю тебя, Джек Макбрайд, – торжественно отвечаю я. – И готова родить тебе детей.

Все хлопают. Замечаю за одним столиком своих родителей, они так гордятся мной. На них одинаковые белые кожаные пиджаки с надписью «Кругосветное путешествие» стразами на спине, и моя мама (которая также моя лучшая подруга) светится от счастья. Она добилась всего, чего хотела, и мечтает о таком же счастье для меня.

Цвет возвращается в картинку, и я только сейчас понимаю, что мы стоим в лепестках роз, выложенных в форме

сердца. Повсюду мерцают свечи. Джек излучает сейчас такой жар, что приходится прикрыть глаза, а волосы у него, наоборот, по каким-то причинам мокрые, будто он только что из моря. На нем свободная хлопковая рубашка, белая, пуговицы на которой расстегиваются каждый раз, стоит мне отвернуться. Он соблазнительно улыбается.

– Что ж, чего мы ждем...

БIIIIIIИП. БIIIIIIИИИП. БIIIIIIИИИИП. БIIIIIIИИИИИП.

Кофейня растворяется в воздухе. Я выпрыгиваю из кровати в реальность так быстро, что запутываюсь в покрывале и ударяюсь локтем о прикроватную тумбочку.

– Какого черта!

Противный звук доносится откуда-то снаружи и прекращается, как только я выскакиваю за дверь. Толпа мужчин испортила вид на мои очаровательные Грейт-Смоки-Маунтинс двумя варварски огромными контейнерами, почти сорок метров в длину каждый, с надписью «АРЕНДА МУСОРНЫХ КОНТЕЙНЕРОВ И ОБСЛУЖИВАНИЕ – ФИРМА УОЛЛАНДА». На часах восемь утра. Проснулась я уже в семь пятнадцать и с тех пор лежала и мечтала, поэтому выскочила в чем была, в пижаме, босиком, прямо на залитую дождем лужайку.

Уэсли Келер, отражение бариста с горящими глазами, которого мне так нехоти пришлось покинуть, появляется из особняка со сломанным шкафчиком на плечах. Наблюдаю,

как Уэсли перехватывает его одной рукой, освобождая вторую, пожимает руки ребятам и забрасывает шкафчик в один из контейнеров с такой легкостью, будто это ломтик хлеба. Дерево раскалывается от удара. В воздух поднимается небольшое грибовидное облачко пыли.

– Эй!

Парни из фирмы по аренде контейнеров машут мне и забираются в свои машины, которые выглядят как передняя часть грузовика, но без трейлера, и срываются с места.

Уэсли не машет. Пренебрежительно отворачивается, едва взглянув на меня, и снова направляется в дом. Возвращается с одним из стоявших у лестницы мусорных мешков, бессердечно встряхивая. Внутри что-то со звоном бьется.

– Э-эй! – кричу я снова. – Ну-ка, подожди! – Бегу обратно в коттедж за ботинками, нахожу один в гостиной, другой под кроватью. Искать носки времени нет.

– Подожди! – Отчаянно машу руками, но он не останавливается. Просто продолжает выносить вещи из дома Вайолет и кидать их в мусорный контейнер. – Ты вообще смотрел, что внутри? – спрашиваю я, когда он выбрасывает очередной мешок.

Он смотрит на меня так, будто я расстегнула кожу и показываю ему свой скелет.

– Рылся ли я в мусоре Вайолет? Нет. Зачем бы?

– Ты же не знаешь, мусор это или нет!

– По запаху точно он.

– Это последние желания Вайолет, – настаиваю я, идя за ним к дому. – Ты читал их? Она хочет, чтобы перед уборкой мы очень, очень тщательно все осмотрели и потом только решили, выбросить или отдать на благотворительность. **ОЧЕНЬ** тщательно.

– Вайолет, – отвечает он, скрипнув зубами и подбирая проржавевший гриль, – нравилось вредничать. – Гриль разлетается на части.

– Ладно, но...

Он уходит обратно.

– Думаю, мы должны уважать ее желания, – яростно возражаю я, снова пытаюсь его догнать. – И убедиться, что ничего ценного в этих мешках нет, и только потом выкидывать.

Он машет в сторону контейнера:

– Ни в чем себе не отказывай.

Когда он снова появляется в дверях, в этот раз с охапкой одежды, ко мне возвращается голос. Причем тот, который я обычно не использую, потому что его никогда не слушают или, если слушают, потом смеются надо мной.

– Я хочу все проверить, – твердо заявляю я. – Можешь остановиться на минутку? Нам надо обсудить, что мы делаем. Пожалуйста. – Не могу не добавить это «пожалуйста». Вот почему я никогда ничего не добиваюсь в жизни: сама себе мешаю бесконечными «пожалуйста». Еще и языком тела выражаю покорность, раздражающе робко показывая: *«Конечно, я понимаю, забудьте, что я сказала, дайте знать,*

если могу помочь», за что страшно потом на себя злюсь.

– Я вообще-то пытаюсь навести в доме порядок, – сообщает он. К этому моменту спину Уэсли я видела куда чаще, чем лицо, и, несмотря на приятный вид, уже изрядно от нее устала.

Он пытается бросить в мусорку чехол для гитары, но я успеваю вцепиться в него и отобрать. Этот момент рассеянности Уэсли использует, чтобы избавиться от побитых моллю вещей, которые я пыталась спасти минуту назад.

– Ты начала думать о поместье когда – вчера днем? А я планировал все это целый год, с тех пор как Вайолет впервые сказала, что после ее смерти оставит все мне. И я собираюсь все починить, очистить, выровнять два гектара земли и превратить поместье в приют для старых животных с ферм.

– Во ЧТО?

Тяжелый взгляд Уэсли придавливает меня к земле. Ужасное ощущение – как кто-то, похожий на того, кого я вроде бы знала, кто-то добрый и мягкий, относится ко мне с такой холодностью, к такому я не готова.

– Что не так с приютом для животных?

– То, что ты решил все один. – А еще я не собираюсь жить рядом со свинарником – в прямом смысле слова.

– А почему бы нет? Вайолет была моим другом. Я заботился о ней каждый день. – Он забирает у меня чехол для гитары, открывает и показывает сломанные петли и бархатную обивку всю в пятнах, будто говоря: «Видишь?» Еще и

выражение такое самоуверенное. – А ты? Ты чужой человек. Свалилась как снег на голову. Без обид, но я не думаю, что ДНК дает тебе право старшинства. – Он считает меня беспринципной вертихвосткой. Дочерью Джули Пэрриш, до мозга костей.

– Я знаю, что и как можно улучшить в «Падающих звездах», – прагматично заключает Уэсли. – И предлагал нововведения с самого первого дня работы.

– Если бы Вайолет твои предложения нравились, она бы на них согласилась, – возражаю я. – Половину этого места оставили мне. И клянусь, если ты выбросишь еще хоть что-нибудь из моей законной собственности без моего одобрения, я подам в суд, – непреклонно заявляю я, мысленно добавляя: «Пожалуйста, не раскрывай мой блеф. У меня нет денег на адвоката».

От моих слов он замирает на полпути.

– Я просто выбрасываю мусор. Обычный мусор, ничего такого, что можно было бы спасти. Разве это не очевидное решение?

В его словах есть смысл. Как это отвратительно, что в них есть смысл!

– А как насчет желаний Вайолет? Каждую мелочь, она сказала. Очень тщательно, так и написала.

Он медленно выдыхает через нос, уже в изрядном раздражении. И оно заразно.

– Это же не всерьез. Ночь фильмов? Готовить кексы? Это

не желая, а попытки вмешиваться в реальность из загробной жизни.

– Пончики, – поправляю я. – И в случае неисполнения – тысячелетнее проклятие. Как по мне, звучит достаточно серьезно.

– Это потому что ты ее не знала.

Мои скрещенные руки и устрашающе нахмуренные брови не производят никакого впечатления, и в мусорку летит картонная коробка с книгами без обложек. Меня просто игнорируют.

– Их можно было сдать на переработку.

– Я заплатил мусорной компании, чтобы они все рассортировали. Входит в услуги премиум-пакета.

Звучит так, как будто он только что все выдумал. И еще как сарказм. Он просто говорит то, что, по его мнению, заставит меня замолчать.

Какое облегчение, что больше не нужно чувствовать себя виноватой из-за собственного вторжения, из-за того, что заняла комнату в его доме. Он просто ждал, пока бабушка умрет, чтобы воплотить свой замысел.

Решаю заняться делом и начинаю старательно проверять праздничные украшения газонов. Во всяком случае, для вида. А на самом деле краем глаза наблюдаю, как напрягаются мускулы на руках Уэсли, когда он поднимает тяжелые коробки, и как натягивается темно-зеленая рубашка на широких плечах и спине. От долгой работы на солнце у него заго-

релая, покрытая веснушками кожа, поэтому, когда на лбу и переносице собираются капельки пота, он весь сияет, точно в золотой пыли.

Когда мне становится жарко и я потею, у меня волосы одновременно выбиваются из хвоста и прилипают к лицу, которое цветом начинает напоминать знак «Стоп». Когда я краснею или перегреваюсь, очаровательного румянца на щечках ждать не стоит: все лицо вызывает тревогу. Виной всему тот факт, что я родилась рыжей, – дежурный ответ, когда кто-либо указывает на земляничные прядки в моих светло-каштановых волосах.

Лениво размышляю, родился ли Уэсли русым, или он из тех, у кого в детстве были снежно-белые волосики. Сама идея, что он когда-то был ребенком, смехотворна. Выглядит он так, будто уже родился со щетиной и сразу же сделал выговор медсестрам. Готова спорить, он отказался носить ползунки как унижающие его достоинство.

То, как хорошо я знаю его внешность, вызывает лишь негодование – ведь эта обертка совсем не вяжется с грубостью внутри. Мне знаком каждый сантиметр его лица – и спасибо, что моя бестолковая запутавшаяся голова не полезла искать его поиском по картинке в «Гугле».

В физическом плане я очень бегло говорю по-уэсликелевски. А в духовном он – таинственный незнакомец. Загадка. К такому лицу должна прилагаться дерзкая усмешка и дразнящие искорки в веселых глазах. В игре «На ком это

смотрится лучше» Джек выигрывает, а ведь он даже не существует.

Уэсли запускает руку в волосы, взъерошив и так не особо аккуратно лежавшие волны, и как-то странно смотрит в мою сторону, а потом снова отворачивается. Я еще немного наблюдаю за ним, стараясь все же не попасться, но теперь его внимание целиком переключилось на задание. Никаких тебе «доброе утро», ни «как ты спала» или «откуда ты» – никакого интереса ко мне как к человеку, никакой непринужденной беседы между соседями по дому. Даже «будь здорова» не скажет, когда я чихаю. Грубость нового уровня.

Слишком знакомое чувство, тут не ошибешься. Я лишняя в собственном доме.

– Ноль баллов за оригинальность, вселенная, – бормочу я. – Ты устраивала мне это столько раз, а я все еще здесь. – Мэйбеллы Пэрриш этого мира – наивные девушки, из тех, от кого отвернулась удача, решимости у нас больше, чем таланта, но когда наступит конец света, последними по полю с зомби будем брести именно мы. Ворча, грозя небесам кулаками, слишком упрямые, никогда не зная, что пора остановиться, с нежными глупыми сердцами, которые, несмотря ни на что, остаются такими же.

Жить оторванными от реальности – одновременно наша гибель и единственное спасение: мы настолько во власти иллюзий, что не понимаем, почему завтра не может быть лучше, даже если последние сотни дней были так себе.

Оказаться равными наследниками поместья моей бабушки – что ж, нас ждет тот еще цирк, это я сразу могу сказать. Но если кому и придется сдаться, то точно не мне.

Глава пятая

Вот уже несколько часов как я саботирую миссию Уэсли по игнорированию последних желаний бабушки Вайолет, и у меня уже сформировалось смутное подозрение о его возможных оправданиях собственного поведения.

Они с Вайолет, как я думаю, сблизились – единственные два человека на всей этой необъятной территории, живущие в одном маленьком коттедже. Когда живешь с кем-то достаточно долго, вы потихоньку узнаете друг о друге больше, и вскоре уже можно предугадать, что скажет другой, какая будет реакция в той или иной ситуации. Вы изучаете привычки друг друга, у вас появляются свои ритуалы. Вам становится комфортно. Между вами устанавливается особая связь.

У меня особой связи с Вайолет не было, ну или, по крайней мере, не было уже очень давно. По большому счету нас разделяла пропасть. Я посылала ей поздравительную открытку каждый год, потому что открытки – это так легко. *«Думаю о тебе!»* – коротко и мило, с парой крупиц какой-то личной информации: *«Снова ищу квартиру. Видела тут свитер с рождественскими колокольчиками и подумала о тебе. Ну и дождливый выдался месяц»*. Она в ответ посылала чеки на двадцать долларов и какие-то мелочи: закладку с котятами, статью из газеты об историческом пароходе Ноксвилла, *«Майской красавице»*, в честь которого меня назвали.

На день рождения, Рождество и День благодарения я не могла заставить себя взять телефон и позвонить. Слишком много времени прошло, и из-за нарастающей неловкости проходило все больше – и видите, к чему это привело.

Что бы я сказала? А что, если ей уже было все равно, что со мной? Помнила ли она меня вообще? Хотела ли знать, как у меня дела? А если бы она обвинила меня в том, какой нерадивой внучкой я была, или, хуже, призналась бы, как сильно я ее разочаровала... Чувство вины все росло и росло, но я не могла встретиться с ним лицом к лицу, так что заперла далеко в ящике. А теперь уже никогда не смогу ничего исправить.

Уэсли от подобного чувства вины избавлен. Может, он считает, что наследство должно было перейти к нему, раз он ухаживал за Вайолет. Наверное, по уши был занят обязанностями опекуна, потому что как садовник не сделал ничего. Пейзаж вокруг напоминает детский рисунок торнадо.

Может, ни один из нас не заслуживает поместья. Но тут я хотя бы могу заглазить вину перед бабушкой Вайолет: могу выполнить ее последние желания. Я обязана ей многим и сделаю хотя бы это.

Все происходит следующим образом:

Уэсли выносит кучу мусора из дома, а я заставляю его положить все на Пункт Досмотра (местечко у кустарника в форме фламинго). Откладываю то, что еще можно спасти, в пакки «оставить» и «отдать». У пачки стикеров, которую я

спасла из той кучи, появилось новое назначение.

Уэсли приносит на пункт досмотра еще три коробки и, глубоко вздохнув, готовится к новому диалогу:

– Желтый стикер означает «отдать на благотворительность»?

– Он означает «оставить».

– Я так и боялся.

– Ну сам подумай. Ты же не можешь ждать, что я согласусь расстаться абсолютно со всеми вещами.

– Это я «подумай»? – тыкает он в себя пальцем. – Я? – Уэсли неожиданно наклоняется ко мне, вынуждая отпрянуть, и вытаскивает из горы вещей толстовку. Она старше меня, с узором «огурцы» в коричневых, оранжевых и горчичных тонах, преступление против моды. – Что ты собираешься с этим делать?

– Не то чтобы это тебя как-то касалось, но я собираюсь это носить.

Я все еще прихожу в себя от почти состоявшегося прикосновения, хотя оно и было случайным и ничего не значило. И вообще не произошло.

– Да неужели, – с каменным лицом замечает он.

– Это винтаж.

– В этом доме сотни, и я не преувеличиваю, сотни винтажных вещей. Тебе придется сузить круг поисков. Быть чуть более разборчивой.

– И кто это сказал? – Он мне не начальник. Я никогда не

видела столько вещей за всю свою жизнь и не могу поверить, что все это принадлежит мне. Большинство моих футболок – с логотипом спа-комплекса, так как в магазине сувениров у меня была скидка, а вещи из этого магазина были одобренной руководством более стильной заменой служебной формы персонала (шляпа в синюю полоску и комбинезон), ношение которой руководство неоднократно называло обязательным, при этом их этот дресс-код не касался.

Выхватываю из коробки, которую он только что принес, велюровую юбку. В ней есть пара дырочек, но я легко смогу починить все при помощи одной из швейных машинок Вайолет (пока насчитала двенадцать, но это еще не предел).

– О-о-о, и эту я тоже оставляю. – Утаскиваю себе толстовку с изображением Сонни и Шер с молнией (правда, сломанной), которая застегивается до самого горла, и Уэсли сжимает пальцами переносицу.

Ну что за Гринч. Если кто сейчас и ведет себя неправильно, так это он, противник последних желаний и, в частности, Желания № 1. Вайолет хранила все эти вещи так долго, что я просто не могу представить ее прыгающей от радости при виде наполненных, еще и с горкой, мусорных контейнеров. Если их можно куда-то приспособить, я это сделаю. Уэсли уходит, качая головой, и хотя мы не знаем друг друга и его мнение никак не должно меня волновать, я не могу избавиться от ощущения, что провалила тест на взрослость.

Когда мне было пятнадцать, маме исполнилось тридцать,

так что этот возраст казался мне таким значимым, практически ближе к пожилому. Наблюдать, как Джули принимает решения, оказалось уроком, как делать не надо. Я думала, что к тридцати годам уже точно выйду замуж за свою вторую половинку, при этом не обязательно с дочерью-подростком в придачу, но точно с кучей домашних питомцев, и буду жить долго и счастливо в какой-нибудь уютной бухточке в Кейп-Коде. У меня была бы отдельная комната с изящными юбками-карандашами и шифоновыми шарфами. Надежная верная подруга, которая всегда рядом, что бы ни случилось, – пылкая, независимая бизнес-леди, которая высвободила бы мою дерзкую сторону (я надеялась однажды такой стороной обзавестись). Мы бы пили вино и смеялись. Сочувствовали друг другу. Мы бы ходили на двойные свидания, она со своим мужем, я со своим – идеальный квартет.

Может, мама заслужила это, а может, и нет: когда-то я критиковала ее, потому что сравнивала наши жизни по этим произвольным показателям успеха и задавалась вопросом, как она могла быть такой беспечной. Будто ее жизнь стала бы такой, если бы она только захотела.

Сейчас я в том же возрасте, что и мама тогда, когда я считала ее одним сплошным разочарованием, и это ужасное ощущение: по-прежнему оставаться на том же месте, запустевшись, не зная, куда идти в этой жизни, едва держась на тонких, точно у олененка, ножках. Ни второй половинки, ни лучшей подруги, с которой можно хорошо провести время.

Слишком много неудач, все не упомянешь. Жизнью не наслаждаешься, за нее борешься. А где же та утопия, до которой, как я рассчитывала, дорастет общество? Кто-то нацепил на меня розовые очки.

Чтобы доказать, что я способна расставаться с вещами, если действительно хочу, на глазах у Уэсли (убедившись, что он смотрит) выбрасываю два полных мешка. Они вообще-то забиты другими мешками, но ему об этом знать не обязательно. Когда наши глаза встречаются, меня снова пронзает резкой болью. Удар прямо в грудь, когда на долю секунды, между мрачным взглядом и холодным ответом, кажется, что Джек Макбрайд мог оказаться настоящим. Мне не хватает кого-то, кто беспокоился бы обо мне, пропади я на пару дней. Мой выдуманный мир проплывает мимо, точно спасательная шлюпка, готовая подхватить и унести с собой, но сегодня я мазохистка. Хочу снова почувствовать ту боль. Хочу удержать его взгляд чуть дольше, убедить себя, что вот он, тот, кто заботится обо мне. Иначе как унылой и жалкой меня не назовешь.

– Когда она покрасила дом в серый цвет? – спрашиваю я.

Уэсли хмурится (это его стандартное выражение, но у него есть обычный «ненавижу все» вариант и специальный – «ненавижу лично тебя», которые он чередует).

– Что ты имеешь в виду? – Оборачивается на дом. – Он всегда был серым.

Отворачивается и уходит, уже выкинув разговор из голо-

вы. Почему ему не так одиноко, как мне? Почему ему не хочется простого человеческого внимания?

– В моем детстве он был розовым, – настаиваю я, пытаюсь удержать его.

Недовольное выражение на месте, но сейчас туда добавилась легкая нотка смятения, превращающегося в замешательство.

– Как это возможно? Я видел фотографии десяти-, двадцати-, тридцати-, сорокалетней давности, и на всех дом серый.

– Он совершенно точно был розовым, когда мне было десять.

Уголки его губ опускаются, застывая в гримасе. Он мне не верит. Считает, что у меня крыша поехала.

– А вот это не совсем ужасно, – замечает он, кивнув на красную ткань в блестках у меня в руках. Я и не заметила, как вытащила ее из коробки. Тоже опускаю голову, а когда поднимаю – он уже исчез в доме.

– Он не хочет разговаривать, – тихонько говорю я пластью, вертя его в руках так и эдак, ловя блестками солнечный свет. – Все в порядке. Нам не обязательно ладить. – Звучит как вопрос, обычное дело для меня, поэтому я повторяю еще раз, с уверенностью: – Нам не обязательно ладить.

Ненавижу это грызущее ощущение, что я более одинока, чем когда-либо прежде. Сегодня первый день новой жизни Мэйбелл – можно было бы подумать, что все отлично. Я уна-

следовала поместье (полуразрушенное) и кучу земли (совершенно дикой) с видом на горы, но ничего не чувствую. Я даже не плакала о бабушке Вайолет как следует, значит, со мной что-то не так.

Мое отсутствие на работе заметила Кристин, которая продолжает присылать все более угрожающие сообщения: *«Лучше бы тебе оказаться в больнице»*. Джемма тоже хочет знать, больна ли я, и напоминает, что если так, отгулов по болезни у меня уже не остается, а она о таком знать не может. Пол явно надиктовал ей каждое слово. Спа-комплекс в часе езды отсюда, возвращаться я не собираюсь, так что вполне могу послать им смайлик со средним пальцем и заблокировать все номера. Не знаю, почему у меня не получается. Печатаю несколько вариантов ответа, но в итоге стираю все. Игнорировать сообщения, наверное, самый безответственный выбор – скоро мне будут посылать «официальные предупреждения» на рабочую почту, которую я даже проверять не буду.

А потом я делаю то, что и всегда, когда мне одиноко, и о чем каждый раз неизбежно жалею.

Она отвечает на звонок после шестого гудка.

– Ну, привет.

– Привет, мам. – Натягиваю радостную улыбку из серии «у меня все в порядке», хотя она и не может меня видеть.

– Ты прямо телепат, я как раз собиралась тебе звонить. Только что прослушала твое голосовое сообщение. – Тон у

нее слегка снисходительный. – Не повезло.

– Да, так печально. – Осознаю, что держу в руках коробочку с духами «White Diamonds», и это большая ошибка. Перед глазами все расплывается. Сейчас я на кухне с бабушкой, просеиваю сахарную пудру на шоколадные пончики с помадкой, устроив просто чудовищный беспорядок, но она раз за разом уверяет меня, что все прекрасно получается. Может, я наконец заплачу, это станет катарсисом, и я смогу оценить «Падающие звезды» по достоинству. Может, наконец привыкну к этой мысли.

– Ну... – Холодная отчужденность в мамином голосе возвращает меня обратно на землю. – Она действительно была старой.

– И все равно очень жаль, – с трудом сглотнув, отвечаю я.
– Так ты уже въехала в новый дом, а? Уже нашла работу?
Я резко вспоминаю, почему стараюсь звонить маме пореже.

– Нет.

– Ну, милая, так не годится.

– Я только приехала. Найду что-нибудь в ближайшее время. – Надеюсь. Не хочу думать о рассылке резюме прямо сейчас, уж точно не с моим послужным списком, в котором стоит только «горничная» и почти больше ничего.

– У тебя как дела?

– Тебе не кажется, что вообще-то это оскорбление – то, что Вайолет оставила дом тебе?

От неожиданного вопроса внутри все холодеет.

– В смысле?

– Ну что там сплошной мусор. Ха! – громко фыркает мама. – А ведь она считала, что это мы мусор. Ты и я. – Теперь она говорит быстрее. Представляю, как она сидит на террасе, наполовину на солнце, постукивая одной ногой. – Будь я на твоём месте, просто бы ушла. Мы не из тех, кто принимает подачки из жалости. Я тебя не так воспитывала.

Не знаю, что и сказать.

– Даже заплати они мне, не согласилась бы жить в том мавзолее, – высокомерно продолжает она. – Без обид. Я рада за тебя, если тебе он нравится, но я бы там не осталась. Никогда. А как насчет работы, которую она на тебя свалила? Как бесцеремонно. Ужасная старуха.

– Вайолет не была ужасной.

– Она чуть не убила тебя.

– Все было в порядке.

Мама выдыхает сигаретный дым в трубку.

– Мне до сих пор снятся кошмары после того звонка.

Мне тоже, потому что после него меня и увезли. Бабушка Вайолет посчитала своим долгом сообщить маме о небольшой аварии, в которой даже не было ее вины – дороги здесь петляют, похлеще чем игрушки-пружинки, и ни один водитель не видел другого. Оба лишь чуть-чуть отклонились от курса. Едва-едва коснулись ограждений. Все с нами было в порядке! И с другой машиной тоже! Надежная громоздкая

машина Вайолет приняла весь удар на себя, нас не задело, мы только перепугались. Только от ремня безопасности осталась пара синяков и пара слезинок, но это все от облегчения. От радости, что все обошлось.

Мама тут же примчалась, попробовала воспользоваться ситуацией, чтобы вытрясти из Вайолет денег, и все полетело к чертям. Каждая говорила, что другая не подходит на роль родителя, но юридические права были у мамы.

– Как же чертовски безответственно – брать тебя с собой в машину, зная, что видит уже плохо. И ведь она действительно считала, что тебе под ее присмотром будет лучше! Только представь.

Я представляла. И очень живо.

– Ты бы превратилась бог знает в кого. – Слышу, как щелкает зажигалка. – Так что? Там помойка?

– Да. Вытянешь руки и обязательно на что-нибудь наткнешься.

– На что? – после странной паузы уточняет она.

У меня появляется дурное предчувствие, то самое, которое вцепляется в меня при каждом нашем разговоре, заставляя желудок сжиматься, то самое, о котором я забываю, стоит повесить трубку, потому что мозг работает в постоянном режиме восстановления и отчаянно пытается верить в хорошие качества людей.

– Лозы, я хотела сказать. Целая куча. Они пролезли в окна, испортили пол.

Я почти вижу, как крутятся колесики у нее в голове. Раздумывает, не приехать ли сюда.

– Плесень от стены до стены. И около тысячи крыс.

– Фу-у-у. Господи. – Представляю гримасу, которую корчит моя боящаяся крыс мама, и не могу удержаться от намека на улыбку. – Так в завещании упомянута только ты?

Улыбка исчезает.

– Э-э... – Та часть сознания, которая следит за Уэсли и вопит «БОЖЕ МОЙ, ЭТО ДЖЕК!», не может не обращать внимания на его передвижения, и резиновые сапоги болотного цвета, наворачивающие круги по саду, неизбежно привлекают взгляд. Он ходит туда-сюда, от дома до мусорного контейнера, снова к дому, снова к контейнеру, забрасывая туда целые охапки хлама – а может, и не хлама. Даже не смотрит, что. Там могут быть старинные пуговицы на сотни тысяч долларов, но какое ему дело?

– По большей части, – наконец отвечаю я. Не собираюсь даже пробовать объяснять ситуацию с наследством – она предложит отвести его в суд, а Вайолет этого бы не хотела.

– Полагаю, мне ничего не оставили? – Она пытается замаскировать надежду под легкомысленный вопрос, но мы же выросли вместе. Я знаю Джули лучше кого бы то ни было.

– Нет. Мне жаль.

– Жаль? Ха! Не стоит жалеть меня, спасибо большое. – Она снова начинает говорить быстрее, как-то взвинченно. – Не место, а какая-то дыра. Если бы Вайолет оставила дом

мне, я бы уж точно не захотела с этим всем связываться. Нет уж, спасибо.

Мне столько всего хочется на это ответить. Раз это дыра, что ж она оставляла меня там на лето? Да и «дырой» поместье совершенно точно никогда нельзя было назвать. Я знаю, что не придумала себе, каким прекрасным и аккуратным оно однажды было. И не забыла, как мама, когда мне было десять, умоляла пустить ее пожить там тоже. Она привезла меня в поместье, но Вайолет ее даже на порог не пустила, помня, как у мамы в детском возрасте была склонность набивать карманы при каждом таком визите.

– Без обид, но в городе лучше, – говорит тем временем мама. – А в этом твоём... как там название этой непонятной деревушки? Там ничего нет. Тебе обязательно нужно переехать жить сюда. Я могу помочь найти квартиру! Поедем осматривать места и будем шататься по магазинам, пока не свалимся с ног, с кредитной карточкой Алессандро, разумеется. – «Алессандро» она произносит грассируя.

– Может, и приеду в гости.

Десять секунд неловкого молчания подтверждают, что и этот звонок ничем не отличается от любого другого, в котором она соловьем заливается о том, как хочет меня видеть, но тут же останавливается, стоит начать действительно что-то планировать.

– Мне пора, – шепчет она. – Алессандро пришел.

На заднем плане слышатся крики, и она кладет трубку, не

услышав моего ответа.

Я никогда не встречалась с Алессандро лично. Мама даже на звонки мои при нем обычно не отвечает, потому что «он не любит детей, даже взрослых». Вот почему она месяцами скрывала от него то, что у нее есть дочь. Я – рудимент ее старой жизни, от которой Джули всеми силами старалась откреститься. С самого начала она, хотя и любила меня, стремилась как можно быстрее перерасти свою роль матери.

Не то чтобы у нас всегда все было плохо, просто хорошие моменты, если так вспомнить, были скорее грустными. Мэйбелл-подросток отчаянно цеплялась за самые простые мимолетные случаи отношений мама-дочка – те минуты, когда она чувствовала тепло, которое придавало воспоминаниям нежность, хотя всем остальным они показались бы тоскливыми. Тяжело, когда сама твоя природа умоляет любой ценой избегать страданий, и в то же время у тебя всегда душа нараспашку.

От грохота бросаемых в контейнер ящиков я подскакиваю и вновь сосредотачиваюсь на Уэсли. Делить дом с незнакомцем, которому ты не нравишься, – как удар под дых: либо я с ним договариваюсь, либо лишаюсь дома. Опять. По крайней мере не расшаркиваюсь и не подлизываюсь к нему – хоть этого унижения удалось избежать, так как фиаско с Джеком оставило неприятное послевкусие, и заслуживает того Уэсли или нет, но распространяется оно на всех, кто похож на Джека. Я смотрю на него и не слышу, как ангелы перебира-

ют струны арфы. Не чувствую ничего, похожего на любовь – просто хочу отвесить хорошего тумака. Приятный сюрприз с точки зрения личностного роста.

– Как мы будем жить вместе? – громко окликаю его я.

Уэсли дергается.

– Что?

– Как это работает? – Снова пытаюсь вызвать в себе Властную Мэйбелл и упираю руки в боки. – Мне достается первый этаж, тебе – второй?

Я говорю несерьезно, во всяком случае, мне так кажется, но он только пожимает плечами:

– Давай так.

– А кто получит третий этаж? – Это скорее чердак, и ремонт там не закончен, но все равно жилплощадь, на которую можно претендовать.

Еще одно пожатие плечами:

– Привидения?

И снова уходит. И что мне делать – не могу же я пришпилить его к одному месту, хоть ты тресни. Отлично! Все отлично. Можно начать новую жизнь и без него – мне не нужно его мнение или помощь. У меня с детства почти ничего не было, зато я умею приспосабливаться и, что важнее, помню, какими «Падающие звезды» были прекрасными. И я помогу им вернуть прежнее великолепие.

Неожиданно понимаю, что так и не поблагодарила Уэсли за приют в его коттедже. Или, может, у меня есть право и

так, раз уж я получила половину всего. «Слишком нагло», — предупреждаю я себя.

Уже открываю рот, собираясь сказать спасибо, но он неожиданно произносит:

— Дом всегда был серым.

Закрываю рот, поджимаю губы. А он после этой фразы снова вычеркивает меня из своего поля зрения, для него я ничуть не интереснее мебели, которую нужно положить в кучки «оставить», «отдать» или «выбросить».

— Я же не выдумала про розовый, — пыхчу я, догоняя его. — Не выдумала. — Иду сразу в холл, где тропинка становится все шире (должна признать, в основном его усилиями, потому что я слишком занята обновлением гардероба на лужайке), подхватываю сломанную микроволновку и тут же выхожу.

Уэсли качает головой. Что-то бормочет.

Я не обращаю на него внимания, и это придает сил. Дружить вовсе не обязательно. Мы просто будем жить вместе, это же ничего не значит. И какие-то приятельские отношения ни к чему.

Бормотание Уэсли становится громче, достаточно, чтобы можно было различить одно слово:

— Стой.

Останавливаюсь, но только потому, что он застал меня врасплох.

— Что?

Хмурится и кидает мне... шлем? Мне?

– Э-э-э... – Поднимаю на него недоумевающий взгляд, но он отворачивается, будто не выдерживает зрительного контакта. Для Уэсли я – самозванка, захватившая его ставшую реальной мечту, неудобство даже побольше, чем разбитые окна, вред от воды и проваливающийся пол, вместе взятые. – У меня нет велосипеда.

Может, в доме есть. Хотя, знаете, это я Вайолет недооцениваю. Тут наверняка их не меньше десяти.

– Если ты собираешься туда, – указывает на дом он, сжав зубы и сдвинув брови так, что они образуют одну прямую линию, – тебе нужна защита. Там опасно.

– Но ты же без шлема.

Он смотрит еще сердитее. Затем швыряет туалетное зеркало в мусорку с ненужной силой – жест, может, и не задумывавшийся как угроза, но воспринятый именно так.

– Хорошо, хорошо, – сдаюсь я, поднимая руки вверх. Надеваю и застегиваю шлем. И думаю: как обидно, что нам необязательно быть друзьями.

Глава шестая

Для того, кому мое присутствие крайне не нравится, Уэсли слишком любит путаться у меня под ногами.

На дворе шестое апреля, и я уже на пределе, струны сердца растянуты так, что потеряли всю эластичность на эмоциональных качелях открытий и потерь, которые приносит каждый день работы в особняке. Вместо меня остался искрящийся, дымящийся клубок оголенных проводов.

И все равно я еще не плакала.

Почему я не плакала? Пока не смогу горевать так, как должен горевать любящий человек, этот подарок от бабушки будет казаться незаслуженным.

Поэтому так и получилось, что сейчас я сижу, скрестив ноги, в окружении памятных вещей Ханнобаров, погружаясь в мир Вайолет, умоляя сердце выбрать что угодно, кроме оцепенелой отрешенности, в которую оно погрузилось.

Шаги Уэсли становятся громче. Уверена, ему хочется сказать: «Тебе что, обязательно сидеть прямо ЗДЕСЬ?», но он молчит. Поджимает губы, чтобы чего не вырвалось, и демонтирует мебель в гостиной, кряхтя и вздыхая под тяжестью ноши.

Да, мне в самом деле надо сидеть именно здесь. Это та часть дома, где я чувствую себя ближе всего к Вайолет. Самые прекрасные часы моей жизни прошли рядом с ней имен-

но в этой гостиной, когда мы болтали обо всем и ни о чем. Вайолет была единственной в своем роде. Она разговаривала со мной не снисходительно, но и не как со взрослой. А маму кидало из одной крайности в другую: то она одергивала меня, требуя делать то, что велено, ведь я маленький несмышленный ребенок, то рассказывала слишком много подробностей об одном из своих свиданий, а если я корчила гримасы, то слышала в ответ: «Пора бы уже повзрослеть».

– Ох, Вайолет, – с грустью произношу я: может, хоть театрализованное представление вызовет слезы. – Как жаль, что я не смогла попрощаться.

Не могу удержаться и кошусь на Уэсли, наблюдающего за мной с недоверчивым выражением, которое, стоит ему это заметить, тут же становится непроницаемым. Он осуждает меня.

– Я хотела позвонить, – шмыгаю носом я. – Все очень запутанно.

Он не отвечает. Бросает попытки сдвинуть с места несдвигаемый шкаф от пола до потолка, решивший прирасти к стене: старинный, белый, с длинным овальным зеркалом в дверце. Так что громоздкой мебели, чьим упорством я не могу не восхищаться, достается только свирепый взгляд: эту битву шкаф выиграл.

Уэсли склоняется над столом и пытается что-то сделать с ним при помощи отвертки. Я бы помогла, но: во-первых, вряд ли он этого хочет, и во-вторых, за последние дни спи-

на, ноги и руки уже превратились в желе от поднятий и вытаскиваний такого количества барахла. К тяжелой работе я привыкла, но вычищать настолько большой дом – просто чудовищное и безжалостное задание. И расчистили мы только где-то процента три. Неубывающее количество дел просто обескураживает, и я была бы не прочь броситься на диван и покричать в декоративные подушки, не будь они такими пыльными. Но я же Мэйбелл Пэрриш, а мы не сдаемся.

Разбираю бумаги, которые как кроличья нора в истории Виктора и Вайолет Ханнобар. Акты, документы, судебные бумаги, письма. Так много писем.

Губы сами растягиваются в улыбке, когда я выбираю одно, прочитав первую строчку. Письму уже столько лет, что бумага почти прозрачная. Когда берешь ее в руки, сквозь текст виднеются строки с обратной стороны, превращая буквы в нечитаемые знаки.

– Она рассказывала тебе, как они с Виктором познакомились? – между делом спрашиваю я.

Тишина.

Поднимаю голову убедиться, что он не вышел из комнаты – он не вышел. Хмурюсь, опускаю письмо.

– Ты собираешься вечно меня игнорировать?

По лбу у него катится пот. На мгновение он встречается со мной пронизывающим взглядом и немедленно возвращается к своему занятию.

Сколько времени прошло с тех пор, как меня действитель-

но слушали? А мне хочется поговорить с кем-то о Вайолет. Больше никто не может разделить мои воспоминания о «Падающих звездах» и моей потрясающей двоюродной бабушке. Думаю, что из всех оставшихся в живых людей, кому она была (или могла быть) небезразлична, половина сидит в этой комнате.

– Они встречались, когда были подростками, потом пошли в разные школы, – рассказываю я. – В выпускном классе Виктор порвал с ней, и Вайолет отправила ему открытку «Сожалею о твоей утрате».

Она даже может быть в этой коробке, в пачке, которую я сейчас попутно просматриваю. Здесь не меньше пары сотен открыток, перевязанных новогодней ленточкой в клетку – она все сохранила.

– Когда они снова встретились несколько лет спустя, он отправил ей открытку со словами: «Пожалуйста, прости меня».

Тяну за ленточку, и новая порция веером разлетается по полу. Джекпот.

– Им было около двадцати, они официально «дружили», но Вайолет, разумеется, еще обижалась на Виктора за тот разрыв, ведь она-то знала, что этот мужчина – ее вторая половинка. С самого первого дня знала, что он тот самый, единственный, но Виктор был подростком немного поверхностным и хотел свободы. Кроме того, он не представлял, как у них может что-то получиться, потому что к межрасовым

бракам относились не сказать чтобы положительно, хотя их семьи ладили.

Уэсли, как я замечаю, вот уже две минуты крутит один и тот же шуруп. Не хочет выдать себя, но я знаю, что говорю не в пустоту.

– Ее письма – как маленькие драгоценности: *«Привет, Виктор. Будь другом, можешь спросить Генри, есть ли у него девушка? До смерти хочется, чтобы меня наконец поцеловал кто-то, кто знает, что делает»*.

Я читаю несколько записок вслух, но приходится останавливаться – отсмеяться и успокоиться. Вайолет измучила Виктора пересказами всех свиданий, на которые ходила с любым другим мальчиком, кроме него, и подписи каждый раз были просто восторг: «Могущественная и Величественная Вайолет Амелия Пэрриш, Знающая себе Цену», «Ты будешь мечтать об этом», «Вторая Мисс Первая Красавица-1953».

Виктор писал ответы с лихорадочным отчаянием, жутким почерком, передающим его страсть, и признавал, как сильно Вайолет заставляла его ревновать.

– Виктор работал в семейном магазине в городе... Кажется, Куквилле. – Я прищуриваюсь. – Точно, Куквилл. Раз в неделю Вайолет, разодетая в пух и прах, сногшибательная и беззаботная, фланировала мимо их магазина, растравляя рану. И фотографии посылала, как она позирует на капотах машин других ребят, – хихикаю я. – Она действительно за-

ставила его прочувствовать все до конца.

Поднимаю голову проверить реакцию Уэсли, и он поспешно отводит глаза. Медленно опускает на пол одну ножку стола и начинает откручивать вторую.

– Виктор умолял ее снова начать встречаться с ним. Она подразнила его еще месяц, но, конечно же, потом сдалась, и в итоге они поженились на горе Старр, прямо в разгар бури, тайно, так как по закону им бы не разрешили. Невеста была в ярко-алом платье, в тон волосам. – Вот одна из причин, почему я так восхищаюсь нетрадиционными свадьбами, и также почему хочу сама, если когда-нибудь выйду замуж, тоже надеть яркое платье. – Им отказывались сдавать дом, хотя они обращались к хозяевам по отдельности – все знали, что они вместе. Отец Вайолет пытался купить им свой дом, но банк тоже отказал ему в займе, поэтому Виктору с Вайолет пришлось годами жить с ее родителями. Бабушка не рассказывала ничего негативного, у нее конец истории вышел гладким, прилизанным, но, по словам Виктора, когда они жили в Куквилле, их изрядно донимали и изводили. Поэтому, когда его бизнес начал приносить прибыль, они купили дом так далеко, как только было возможно, и завели свору собак для охраны. Настоящую лицензию на брак они получили только в 1967 году, но та, символическая, всегда стояла вон там. – Я показываю на каминную полку. – Для них она значила больше, ведь напечатали они ее сами.

Перебираю письма дальше:

«Милая Могущественная и Величественная Вайолет Амелия Пэрриш, ангел, спустившийся к смертным, единственная женщина моей жизни! Умоляю, дай мне еще один шанс. Однажды ты назвала меня мужчиной своей мечты. Постарайся вспомнить об этом!»

Уэсли выглядит суровее, чем когда-либо. Наверное, у него всегда такое лицо, если он твердо настроен не испытывать никаких эмоций вообще и никак не реагировать на юмор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.